

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

И. А. ЖУРАВЛЕВА

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА

Учебно-методическое пособие

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2020

Утверждено научно-методическим советом факультета философии и психологии , протокол № 1400-05 от 27.05.2020

Рецензент – кандидат философских наук, доцент кафедры онтологии и теории познания факультета философии и психологии Воронежского государственного университета И. Ю. Тихонова

Учебно-методическое пособие подготовлено на кафедре истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Рекомендовано для студентов 2 и 3 курса очной формы обучения факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Для направления 47.03.01 – Философия

Б1.Б.13

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пояснительная записка.....	4
Тематический план.....	7
Содержание учебной дисциплины.....	8
Вопросы для промежуточной аттестации.....	21
Критерии оценок промежуточной аттестации.....	25
Дидактические материалы для подготовки к текущим и промежуточным аттестациям.....	28

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Учебная дисциплина «Социальная философия» относится к Блоку 1 Дисциплины (модули) Федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 47.03.01 Философия (бакалавриат) и входит в его базовую часть.

Содержание и логика курса определяются требованиями Федерального государственного образовательного стандарта к данной дисциплине, а также основываются на анализе профессионального опыта подготовки философов как в Воронежском государственном университете, так и в других ведущих университетах страны. В программе реализован целостный подход к изучению курса «Социальная философия», согласно которому последовательно рассматриваются основные разделы дисциплины. Это обусловило структуру курса, которая включает в себя взаимосвязанные части:

- 1) введение в социальную философию;
- 2) социальная гносеология;
- 3) социальная онтология;
- 4) социально-философская антропология;
- 5) философия истории.

В первой части рассматриваются предмет социальной философии, современные дискуссии вокруг социально-философской проблематики, природа социально-философского познания и его особенности. Здесь студенты знакомятся с логикой возникновения основных социально-философских учений, с методологией социальных исследований, проблемой соотношения понимания и объяснения в социальных науках и т.д.

Во второй части представлена проблематика соотношения социального и природного, исследуются сущность и структура общества, подробно изучаются сферы общественной жизни.

В третьей части рассматриваются социально-философские проблемы бытия и сущности человека, пространства и времени социальной деятельности, свободы человека в обществе.

В четвертой части изучаются вопросы, связанные с историческим развитием общества в контексте социальной философии. Поднимаются следующие проблемы: вариативность общественного развития, интерпретации смысла истории, соотношение понятий социальной и исторической памяти, модели исторического прогресса и его критерии.

Цель изучения дисциплины – формирование у студентов целостного системного представления о мире социального и месте человека в нем, позволяющего им расширить концептуальный поиск в области философских проблем общественной жизни.

Основными задачами учебной дисциплины являются:

- опираясь на широкий круг источников, довести до студентов специфику развития социально-философской мысли с момента ее возникновения до этапа современности, выявить логику формирования и развития философских представлений об обществе;
- способствовать развитию навыков научно-исследовательской работы в области философии общества;
- содействовать выработке у студентов навыков непредвзятой, многомерной оценки социально-философских теорий и концепций, направлений и школ;
- развивать умения логично формулировать, излагать и аргументировано отстаивать собственное видение рассматриваемых проблем;
- содействовать овладению приёмами ведения дискуссии, полемики, диалога в области социально-философских проблем.

Усвоение учебного материала предполагает сочетание лекционных и семинарских занятий, а также самостоятельную работу студентов. Исходя

из этого в учебно-методическое пособие входит не только основное содержание дисциплины «Социальная философия», но и планы семинарских занятий по отдельным темам.

Самостоятельная работа студентов предполагает изучение и конспектирование рекомендуемой преподавателем литературы по вопросам семинарских занятий, а также самостоятельное освоение понятийного аппарата и выполнение ряда заданий, выдаваемых преподавателем на семинарских занятиях.

В результате освоения дисциплины «Социальная философия» у студентов должны быть сформированы компетенции:

ОК-1 – способность использовать основы философских знаний для формирования мировоззренческой позиции. Формирование данной компетенции способствует *усвоению знаний* основных понятий и категорий социальной философии, содержания базовых социально-философских концепций и направлений, фундаментальных и актуальных проблем социальной философии; *формированию умений* пользоваться социально-философской терминологией, ориентироваться в наиболее общих философских проблемах общественной жизни как основы формирования мировоззренческой культуры гражданина и будущего специалиста; овладения навыками непредвзятой, многомерной оценки философских течений, направлений и школ.

ОПК-3 – способность использовать в профессиональной деятельности знание традиционных и современных проблем социальной философии (сущность, структура и функционирование общества, механизмы и формы социальных изменений, принципы исторической типологии общества). Формирование данной компетенции способствует *усвоению знаний* основных понятий и категорий социальной философии, содержание базовых социально-философских концепций и направлений, фундаментальных и акту-

альных проблем социальной философии с целью применения этих знаний в профессиональной деятельности; *формирование умений* логично формулировать, излагать и аргументировано отстаивать собственное видение социально-философских проблем; *овладение* навыками использования теоретических социально-философских знаний в научно-исследовательской и профессиональной деятельности.

Объем дисциплины в зачетных единицах / часах в соответствии с учебным планом – 11 ЗЕТ / 396 часов (профиль социально-аксиологический).

ВИДЫ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ

	Всего	По семестрам		
		5 сем.	6 сем.	7 сем.
Аудиторные занятия	198	72	50	72
в том числе:				
лекции	72	18	18	36
практические	126	54	36	36
лабораторные	0	0	0	0
Самостоятельная работа	126	72	22	36
Контроль	72	0	36	36
Итого:	396	144	108	144

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

№ п/п	Наименование раздела дисциплины	Виды занятий (часов)		
		Лекции	Семинары / пр. занятия	Самостоятельная работа
1	Введение в социальную философию (5 сем.)	4	4	26
2	Социальная гносеология (5-6 сем.)	24	42	26
3	Социальная онтология (6-7 сем.)	20	26	26
4	Социально-философская антропология (7 сем.)	14	24	28
5	Философия истории (7 сем.)	10	30	20
	Итого:	72	126	126

СОДЕРЖАНИЕ УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

РАЗДЕЛ I Введение в социальную философию

Тема № 1. Предмет социальной философии

Предмет социальной философии и круг её основных проблем. Взаимодействие социальной философии с общественными и гуманитарными науками. Социальная философия и философия социальных наук: грани взаимодействия. Соотношение социальной философии с нравственной философией, философской антропологией, философией культуры и философией политики. Социальная философия и теоретическая социология.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Гидденс Э. Современность и самоидентичность : личность и общество в эпоху поздней современности / Э. Гидденс. – Москва : Акад проект, 2002. – 300 с.
2. Крапивенский С. Э. Социальная философия : статус и перспективы / С. Э. Крапивенский // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI, Вып. 1 (21). – С. 66–79.
3. Момджян К. Х. О проблемном поле социальной философии / К. Х. Момджян // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9, Вып. 3 (37). – С. 158–174.

4. Пигров К. С. Ещё раз о предмете социальной философии / К. С. Пигров // Личность. Культура. Общество. – 2003. – Т. V, Вып. 1–2 (15–16). – С. 57–68.

5. Социальная философия : учебник / под ред. проф. И. А. Гобозова. – Москва : Издатель Савин С. А., 2003. – 528 с.

6. Федотова В. Г. Размышления о сущности современной социальной философии / В. Г. Федотова // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI, Вып. 1 (21). – С. 80–86.

РАЗДЕЛ II Социальная гносеология

Тема № 2. Проблемы социального познания

Основные методы социального познания: диалектика, функционализм, историзм, феноменология. Социальный объект. Понятие социальной действительности и социальной реальности. Категория социальных отношений. Социальное пространство и социальное время. Проблема достоверности социального факта. Типология социальных фактов.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.

2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Адорно Т. К логике социальных наук / Т. Адорно // Вопросы философии. – 1992. – № 10. – 76–85.

2. Бакиров В. С. Социальное познание на пороге постиндустриального мира / В. С. Бакиров // Общественные науки и современность. – 1993. – № 1. – С. 68–77.

3. Вебер М. Объективность социально-научного и социально-политического познания / М. Вебер // Избр. произведения. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 345–415.
4. Девятко И. Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования / И. Ф. Девятко. – Москва : ИСО-TEMPUS/TASIS, 1996. – 174 с.
5. Ищенко Е. Н. Современная эпистемология и гуманитарное познание / Е. Н. Ищенко – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003. – 142 с.
6. Каган М. С. Перспективы развития гуманитарного знания в XXI веке / М.С. Каган // Личность. Культура. Общество. – 2005. – Т. VII, Вып. 4 (28). – С. 60–69.
7. Качанов Ю. Л. Эпистемология социальной науки / Ю. Л. Качанов. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 228 с.
8. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт // Мыслители XX века. – Москва : Республика, 1998. – 413 с.
9. Федотова В. Г. Классическое и неклассическое в социальном познании / В. Г. Федотова // Общественные науки и современность. – 1992. – № 4. – С. 45–54.

Тема № 3. Возникновение и развитие социально-философских учений

Логика возникновения и развития социально-философских учений. Государство и общество в учениях Платона и Аристотеля. Учения Т. Гоббса, Ж.-Ж. Руссо и Гегеля об обществе.

Современные западные теории общества:

- 1) идея структурного функционализма и становление структурно-функционального подхода к анализу общества (Т. Парсонс, Н. Луман, Р. Мертон);
- 2) социальная философия Франкфуртской школы (М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Ю. Хабермас);
- 3) структурализм и постструктурализм (К. Леви-Строс, Л. Альтюссер, М. Фуко, Ж. Деррида);
- 4) феноменологическая социология и этнометодология (А. Шюц, Г. Гарфинкель);
- 5) язык, анализ и теория общества (П. Уинч).

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Арон Р. Этапы развития социологической мысли / Р. Арон. – Москва : Прогресс – Универс, 1993. – 606 с.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 322 с.
3. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии / Г. Гарфинкель. – Санкт-Петербург : Питер, 2007. – 334 с.
4. Гидденс Э. Устройство общества: очерк теории структуризации / Э. Гидденс. – Москва : Акад. проект, 2003. – 528 с.
5. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / И. Гофман. – Москва : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2000. – 302 с.

6. Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы / Ю. Н. Давыдов. – Москва : Наука, 1977. – 319 с.
7. Кукарников Д. Г. Проблемы социальной науки XX века в теории структуризации Э. Гидденса / Д. Г. Кукарников // Человек. Познание. Культура. – Воронеж : ВГУ. – 2000. – Выпуск 1. – С. 100–109.
8. Кукарников Д. Г. Теория общества в XX веке : От Парсонса до Гидденса / Д. Г. Кукарников. – Воронеж : Изд-во Воронежского гос. ун-та, 2006. – 240 с.
9. Кукарников Д. Г. Философские подходы к исследованию общества : учеб. пособие для студентов и аспирантов вузов / Д. Г. Кукарников. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 101 с.
10. Огурцов А. П. Интерсубъективность как поле философских исследований / А. П. Огурцов // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9, Вып. 1 (34). – С. 58–69.
11. Парсонс Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс. – Москва : Акад. проект, 2002. – 880 с.
12. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2002. – 776 с.
13. Фромм Э. Бегство от свободы. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск : «Попурри», 1998. – 672 с.
14. Фуко М. Воля к истине : по ту сторону знания, власти и сексуальности / М. Фуко. – Москва : Магистериум-Касталь, 1996. – 448 с.
15. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас. – Москва : Изд-во «Весь Мир», 2003. – 416 с.
16. Шюц А. Избранное : мир, светящийся смыслом / А. Шюц; под ред. Н. М. Смирновой. – Москва : РОССПЭН, 2004. – 1055 с.

РАЗДЕЛ III Социальная онтология

Тема № 4. Природа и общество

Природа как совокупность естественных условий существования общества, субстратная основа бытия человека в обществе. Концепция ноосферы В. И. Вернадского: социальный реализм и социальная утопия. Идея сверхжизни (Т. де Шарден). Понятие глобальных проблем современности: их признаки, возникновение, сущность, содержание. Типы глобальных проблем и их классификация.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / В. И. Вернадский. – Москва : Айрис-пресс, 2007. – 573 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – Москва : АСТ, 2002. – 556 с.
3. Лейбин В. М. «Модели мира» и образ человека : Критический анализ идей Римского клуба / В. М. Лейбин. – Москва : Политиздат, 1982. – 255 с.
4. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 447 с.
5. Фромм Э. Иметь или быть? / Э. Фромм // Фромм Э. Величие и ограниченность теории Фрейда. – Москва : ООО «Фирма «Издательство АСТ», 2000. – С. 185–437.

Тема № 5. Экономика и общество

Философия техники и ее значение в понимании динамики современных общественных процессов (К. Ясперс, Ж. Эллюль, Д. Белл, Э. Тоффлер). Прогресс техники и культура. Человек как субъект общественного производства XX в. Человек в мире тоталитарно-плановой экономики и в мире товарно-денежных отношений. Утилитаризм в понимании природы и сущности экономики. Экономика и развитие общественных структур.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Бердяев Н. А. Человек и машина. (Проблема социологии и метафизики техники) / Н. А. Бердяев // Вопр. философии. – 1989. – № 2. – С.143–162.
2. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Москва : Политиздат, 1974. – Т. 42. – С.86–151.
3. Розин В. М. Философия техники (лекция) / В. М. Розин // Личность. Культура. Общество. – 2004. – Т. VI, Вып. 3 (23). – С. 184–208.
4. Тоффлер Э. Третья волна / Э. Тоффлер. – Москва : АСТ, 2002. – 776 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 447 с.

6. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. Философские фрагменты / М. Хоркхаймер, Т. Адорно. – Москва ; Санкт-Петербург : Изд-во Медиум, Ювента, 1997. – 310 с.

Тема № 6. Политическая сфера жизни общества

Патерналистская концепция власти (Конфуций). Легизм (Шан Ян). Власть в социально-политических учениях Т. Гоббса и Н. Макиавелли. Современные философские концепции власти. Системный подход к анализу власти (Т. Парсонс, Д. Истон). Язык и власть в философии М. Фуко. «Власть / Знание».

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.

2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Власть. Очерки современной политической философии Запада. – Москва : Наука, 1989. – 317 с.

2. Кравченко И. И. Политика и сознание / И. И. Кравченко. – Москва : ИФ РАН, 2004. – 216 с.

3. Луман Н. Власть / Н. Луман. – Москва : Праксис, 2001. – 256 с.

4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Ч. 1 : Статьи и интервью 1970-1980 / М. Фуко. – Москва : Праксис, 2002. – 384 с.

Тема № 7. Социальная онтология. Государство и общество

Договорная теория происхождения государства (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо). Работа Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной соб-

ственности и государства» и её роль в понимании сущности государства и его роли в истории. Социально-философские основания идеи гражданского общества и правового государства (Кант, Гегель). Плюрализм и демократия (Р. Даль).

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.

2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Вебер М. Бюрократия / М. Вебер // Личность. Культура. Общество. – 2007. – Т. 9. – Вып. 1 (34). – С. 10–28; 2007. – Т. 9, Вып. 2 (36). – С. 11–28.

2. Гегель Г. В. Ф. Философия права / Г. В. Ф. Гегель. – Москва : Мысль, 1990. – 524 с.

3. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство / Р. Даль. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Polit/dal/pol_pl.php

4. Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане / И. Кант // Кант И. Сочинения на немецком и русских языках. – Москва : Проспект, 1994. – Т. 1. – С. 90-114.

5. Коэн Дж. Л. Гражданское общество и политическая теория / Дж. Коэн, Э. Арато. – Москва : Изд-во «Весь Мир», 2003. – 784 с.

6. Кравченко И. И. Политика и сознание / И. И. Кравченко. – Москва : ИФ РАН, 2004. – 216 с.

7. Лукач Г. История и классовое сознание / Г. Лукач. – Москва : Logosal-tera, 2004. – 413 с.

8. Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII–XIX вв.) / под ред. А. А. Кара-Мурза. – Москва : ИФ РАН, 2004. – 187 с.

9. Поппер К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / К. Поппер. – Москва : Межд. фонд «Культурная инициатива», 1992. – Т. 1 : Чары Платона. – 448 с.; Т. 2 : Время лжепророков : Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.

10. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства : (в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана) / Ф. Энгельс .— Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010 .— 252 с

Тема № 8. Социальная дифференциация

Социальные общности как механизмы подчинения и закабаления человека. Растворение человека в общности, конформизм, отчуждение. Раса и этнос. Нация как новоевропейская форма этнической общности, особенности их современного развития. Национализм, интернационализм, космополитизм в современных общественных процессах. Природа и смысл современных этнических конфликтов.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.

2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Гидденс Э. Современность и самоидентичность : личность и общество в эпоху поздней современности / Э. Гидденс. – Москва : Акад проект, 2002. – 300 с.

2. Лукач Г. История и классовое сознание / Г. Лукач. – Москва : Logos-tera, 2004. – 413 с.
3. Луман Н. Дифференциация / Н. Луман. – Москва : Логос, 2006. – 317 с.
4. Росенко С. И. Социальная дифференциация российского постсоветского общества / С. И. Росенко // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – Москва, 2012. – Вып. 2. – С. 83–86.
5. Полонская Е. А. Межэтническое взаимодействие как социально-экономическая проблема (на примере русского и еврейского этносов) / Е. А. Полонская. – Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. – 173 с.

Тема № 9. Духовная сфера жизни общества

Понятие культуры в истории развития общественной мысли. Особенности социально-философского подхода к исследованию культуры. Культура и ценности: структура ценностей и уровни культуры. Идеи развития и преемственности культур в философском анализе общества. Феномен массовой и элитарной культур в обществе. Разделение культуры на масс- и элит- регионы. Проблема коммуникации культур и проблема культуры как коммуникации в философском анализе общества. Интегрирующая и дезинтегрирующая роль культуры в обществе. Запад, Восток и Россия в диалоге культур.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – Москва : Изд-во «Весь мир», 2004 . – 116 с.
2. Свасьян К. А. Человек как творение и творец культуры / К. А. Свасьян // Вопр. философии. – 1987. – № 6. – С. 68-79.
3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс : сборник / Х. Ортега-и-Гассет. – Москва: Проспект, 2002. – 509 с.
4. Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства. Тема нашего времени // Самосознание европейской культуры XX века. – URL : (<http://www.lib.ru/FILOSOF/ORTEGA/ortega12.txt>)
5. Хейзинга Й. В тени завтрашнего дня. / Й. Хейзинга. – URL : (http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Heizin/)

РАЗДЕЛ IV. Социально-философская антропология

Тема № 10. Социально-философская проблематика бытия человека

Социально-философские взгляды на проблему природы и сущности человека. Соотношение биологического и социального в развитии человека. Проблема отчуждения человека в обществе: причины, механизмы, формы отчуждения. Возможности преодоления отчуждения. Проблема свободы человека в обществе. Исторические и социальные границы свободы. Противоречия свободы: свобода и одиночество, «бегство от свободы» (Э. Фромм).

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.
2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Барулин В. С. Основы социально-философской антропологии / В. С. Барулин. – Москва : Академ-книга, 2002. – 455 с.
2. Камю А. Миф о Сизифе. Бунтующий человек / А. Камю. – Минск : Попурри, 2000. – 544 с.
3. Леви-Строс К. Структурная антропология / К. Леви-Строс. – Москва : Наука, 1983. – 536 с.
4. Франк С. Л. Духовные основы общества : Введение в социальную философию / С. Л. Франк. – Нью-Йорк : Посев, 1988. – 313 с.
5. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. – Москва : Республика, 1994. – 447 с.

РАЗДЕЛ V. Философия истории

Тема № 11. Проблема социально-философского осмысления истории

Возможность и действительность в историческом развитии. Многовариантность общественного развития и общественного выбора. Проблема интерпретации смысла истории (И. Гердер, К. Маркс, Н. А. Бердяев, К. Ясперс). Отрицание смысла истории (Р. Арон, К. Поппер). Направленность мирового исторического процесса. Отличительные признаки прогресса, застоя, тупиковых ситуаций и регресса. Модели исторического прогресса. Критерии прогресса. Историософия XX в. Актуальные проблемы историософии России.

Основная литература

1. Гобозов И. А. Социальная философия : учебник для академического бакалавриата // И. А. Гобозов. – Москва : Юрайт, 2016. – 351 с.

2. Социальная философия / П. В. Алексеев. – Москва : Проспект, 2015. – 254 с. URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=251999>

Дополнительная литература

1. Бердяев Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – Москва : Мысль, 1990. – 175 с.

2. Гегель Г. В. Ф. Лекции по философии истории / Г. В. Ф. Гегель. – Санкт-Петербург : Наука, 2000. – 477 с.

3. Губман Б. Л. Смысл истории. Очерки современных западных концепций / Б. Л. Губман. – Москва : Наука, 1991. – 246 с.

4. Махаров Е. М. Философия истории / Е. М. Махаров. – Москва : Мысль, 2004. – 190 с.

5. Семёнов Ю. И. Философия истории. Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней / Ю. И. Семёнов. – Москва : Современные тетради, 2003. – 775 с.

6. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. – Москва : Юрист, 1994. – 719 с.

7. Фукуяма Ф. Великий разрыв / Ф. Фукуяма. – Москва : АСТ, 2003. – 474 с.

8. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // Политические исследования. – 1994. – № 1. – С. 33–49.

9. Ясперс К. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. – Москва : Республика, 1994. – 528 с.

**ВОПРОСЫ К ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПО ИТОГАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ**

(зачет – 5 семестр)

1. Социальная философия и её место в системе философского знания.
2. Эмпирическое и теоретическое в социальном познании.
3. Критика историцизма К. Поппером. Эссенциализм и холизм историцизма.
4. Основные подходы в современном философском познании социальных явлений.
5. Проблема закона в социальной философии. Понятия натурализма и антинатурализма.
6. Разграничение идиографических и номотетических наук в Баденской школе неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт). Науки о природе и науки о культуре.
7. Логика возникновения и развития социально-философских учений.
8. Понимание общества как производного от естественных свойств индивида, его неизменных природных качеств (Т. Гоббс, Ф. Вольтер, Ж.-Ж. Руссо).
9. Особенности формационного подхода (К. Маркс) к исследованию общества.
10. Структурно-функциональный анализ общества (Т. Парсонс, Р. Мертон).
11. Цивилизационный способ понимания общества (О. Шпенглер, А. Тойнби). Цивилизация и культура.
12. Теория стадий экономического роста (У. Ростоу). Концепция трёх волн (Э. Тоффлер).
13. Социальная философия Франкфуртской школы.
14. Природные и социальные системы. Роль географической среды в

развитии общества.

15. Концепция ноосферы В. И. Вернадского.

16. Понятие «сфера общества» и его роль в анализе общественных процессов.

17. Экономическая сфера общественной жизни и её характеристика. Понятие философии экономики.

18. Сущность современных дискуссий о соотношении экономики и этики.

19. Утилитаризм в понимании природы и сущности экономики.

**ВОПРОСЫ К ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПО ИТОГАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ
(экзамен – 6 семестр)**

1. Патерналистская концепция власти (Конфуций). Легизм (Шан Ян).
2. Политическая сфера жизни общества и её основные элементы.
3. Политика в жизни общества. Основные концепции философии политики.

4. Власть как общественное отношение. Структура и типы власти.
5. Современные философские концепции власти. Язык и власть.
6. Основные философские концепции государства. Государство и гражданское общество.

7. Концепция «восстания масс» и её значение в анализе кризисных состояний культуры.

8. Природные и социальные различия людей.

9. Категория «класс» в социально-философском анализе общества.

10. Содержание теории структуризации Э. Гидденса и её воздействие на понимание современных общественных процессов.

11. Теория социальной стратификации и социальной мобильности П. А. Сорокина.

12. Солидарность и конфликт в общественной жизни.
13. Этнические общности людей.
14. Понятие общественного сознания и его структура.
15. Понятие идеологии и его эволюция в истории социально-философской мысли.

ВОПРОСЫ ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ СТУДЕНТОВ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

(экзамен* – 7 семестр)

1. Понятие философии истории. Общественная история и философия истории.
2. Механизмы и формы социальной динамики.
3. Функционирование общества: доминанты и детерминанты общественной жизни.
4. Проблема интерпретации смысла истории.
5. Принципы исторической типологии общества.
6. Проблема направленности мирового исторического процесса.
7. Возможность и действительность в историческом развитии.
8. Многовариантность общественного развития и общественного выбора.
9. Движущие силы социально-исторического процесса. Роль человека в истории.
10. Идеалы в основных концепциях философии истории. Общественный идеал и утопия.
11. Глобальные проблемы современной цивилизации.
12. Историософия XX в. Актуальные проблемы историософии России.

* Экзамен включает и вопросы предыдущих аттестаций.

КРИТЕРИИ ОЦЕНОК ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ (ЗАЧЕТ)

Оценка	Критерии оценок
Зачтено	ставится при условии, если правильно изложен основной материал по теме или допускались ошибки, не отразившиеся на качестве ответа.
Не зачтено	ставится в том случае, когда студент не смог достаточно полно и правильно ответить на поставленные вопросы.

КРИТЕРИИ ОЦЕНОК ПРОМЕЖУТОЧНОЙ АТТЕСТАЦИИ (ЭКЗАМЕН)

Критерии оценивания компетенций	Уровень сформированности компетенций	Шкала оценок
<p>Оценка «отлично» выставляется в любом из трех случаев:</p> <p>1. Выполнение пяти требований к ответу на каждый вопрос экзаменационного билета:</p> <p>1) правильность, полнота и глубина ответа (верное и глубокое изложение фактов, понятий, законов, закономерностей, принципов; опора при ответе на исходные методологические положения; анализ основных теоретических материалов, описанных в различных источниках, связь теории с практикой; иллюстрация ответа конкретными примерами; отсутствие необходимости в уточняющих вопросах);</p> <p>2) логическая последовательность изложения материала в процессе ответа;</p> <p>3) грамотное изложение материала на высоком научном уровне, высокая культура речи;</p> <p>4) наличие полных и обоснованных выводов;</p> <p>5) демонстрация собственной профессиональной позиции (творческое применение знаний в практических ситуациях, демонстрация убежденности, а не безразличия; демонстрация умения сравнивать, клас-</p>	Повышенный уровень	Отлично

<p>сифицировать, обобщать).</p> <p>2. Невыполнение одного из перечисленных требований (к одному из вопросов экзаменационного билета) и правильный ответ на дополнительный вопрос в пределах программы.</p> <p>3. <i>Невыполнение двух из перечисленных требований (либо двух к одному вопросу, либо по одному к каждому вопросу экзаменационного билета) и правильные ответы на два дополнительных вопроса в пределах программы.</i></p>		
<p>Оценка «хорошо» выставляется в любом из трех случаев:</p> <p>1. Невыполнение одного из требований к ответу (к одному из вопросов экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и неправильный ответ на дополнительный вопрос в пределах программы.</p> <p>2. Невыполнение двух требований (либо двух к одному вопросу, либо по одному к каждому вопросу экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и правильный ответ только на один дополнительный вопрос в пределах программы.</p> <p>3. <i>Невыполнение трех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и правильные ответы не менее, чем на два дополнительных вопроса в пределах программы.</i></p>	Базовый уровень	Хорошо
<p>Оценка «удовлетворительно» выставляется в любом из трех случаев:</p> <p>1. Невыполнение двух требований (либо двух к одному вопросу, либо по одному к каждому вопросу экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и неправильные ответы на два дополнительных вопроса в пределах программы.</p> <p>2. Невыполнение трех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и правильный ответ только на один дополнительный вопрос в пределах программы.</p> <p>3. <i>Невыполнение четырех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично»</i></p>	Пороговый уровень	Удовлетворительно

<p><i>(п.1), и правильные ответы не менее, чем на два дополнительных вопроса в пределах программы.</i></p>		
<p>Оценка «неудовлетворительно» выставляется в любом из трех случаев:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Невыполнение более четырех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1). 2. Невыполнение трех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и неправильные ответы на два дополнительных вопроса в пределах программы. 3. Невыполнение четырех требований (в различных комбинациях по отношению к вопросам экзаменационного билета), предъявляемых к оценке «отлично» (п.1), и правильный ответ только на один из не менее двух дополнительных вопросов в пределах программы. 	–	Неудовлетворительно

ДИДАКТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ К ТЕКУЩИМ И ПРОМЕЖУТОЧНЫМ АТТЕСТАЦИЯМ

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ТЕОРИИ XX ВЕКА

Теория социального действия М. Вебера

М. Вебер (1864-1920) – немецкий философ и социолог, в сферу научных интересов которого входили политическая экономия, право, социология религии, логика и методология социальных наук.

Основные произведения: «Протестантская этика и дух капитализма», «Хозяйственная этика мировых религий», «Хозяйство и общество».

Методология социального познания

К концу XIX в. в теории познания возникает идея, что «науки о культуре» обладают определенной спецификой и должны иметь собственный методологический фундамент. В. Дильтей разрабатывает концепцию «понимающей психологии», согласно которой таким специфическим методом является «эмпатия» или «вчувствование», на которых и строиться все здание социогуманитарных наук. Вебер критикует такую позицию за высокую степень субъективности, считая, что такая методология не может обеспечить общезначимости и строгости знания. Центральный вопрос здесь – как обеспечить наукам о культуре такую же объективность как в естественных дисциплинах. И Вебер предлагает исследовать саму логику образования понятий, которыми оперирует ученый. Существует две задачи: раскрыть принцип образований таких понятий и установить критерий истинности в социальном познании.

В отличие от естественных наук, где целью является установление общих законов развития явлений, в социальных и гуманитарных науках изучается частное, уникальное и индивидуальное. В качестве принципа

М. Вебер предлагает «отнесение к ценности». Благодаря этой процедуре из всего многообразия эмпирических данных акцентируются именно те моменты, которые имеют значение с точки зрения определенной ценности. Ценности могут быть теоретическими – истина, политическими – справедливость, нравственными – добро и т.п. Эти ценности должны разделяться всеми субъектами научной деятельности, быть абсолютными в рамках определенной исторической эпохи.

«Отнесение к ценности» нужно отличать от «оценки» (оценочного суждения): ученый всегда может иметь личные убеждения, политические и идеологические взгляды, но они должны оставаться за границами исследования. (См. подробнее статью М. Вебера «Наука как призвание и профессия»). Вебер не считал ценности универсальными и вечными, осознавая, что каждая эпоха выстраивает собственную аксиологическую модель. Однако в «отнесении к ценности» он видел философское истолкование научного интереса, который руководит выбором исследователя. Таким образом, Вебер сам не может избежать некоторого противоречия. В отличие от Г. Риккерта, который считал ценности трансцендентальными, Вебер признает их относительность и зависимость от времени. Тем самым, пытаясь обосновать объективность социального познания, он преодолевает индивидуальный субъективизм (В. Дильтей) субъективизмом «исторически эпохальным».

М. Вебер предлагает использовать понятие «идеальный тип» в качестве средства обобщения многообразного эмпирического материала. Идеальный тип конструируется как теоретическая схема, а затем соотносится с эмпирическими фактами. Такие понятия как «капитализм», «революция», «экономический обмен» или «хозяйство» суть идеально-типические конструкции, употребляемые для обозначения исторических образований, но

их нельзя отождествлять с самой социокультурной реальностью – они всего лишь абстракции.

Существует разница между идеальными типами, например, в истории и социологии. В исторической науке идеальный тип – это средство раскрытия генетической связи явлений («средневековый город», «протестантизм»). В социологии же присутствуют «чистые» идеальные типы, так как они схватывают знания общего характера. Например, социолог устанавливает типы политических режимов: демократия, автократия и т.д., они свободны от пространственно-временной локализации, тем самым обладают большей степенью обобщения.

Теория социального действия

Для того, чтобы разобрать применение идеальных типизаций в концепции социального действия самого М.Вебера, нужно сначала обратиться к еще одному важному понятию, которое он использует – «пониманию». С точки зрения социолога, поведение человека (актера) может быть изучено социальными науками лишь при условии, что личность связывает со своим действием определенный смысл: «Действием называется человеческое поведение в том случае и постольку, если и поскольку действующий индивид или действующие индивиды связывают с ним субъективный смысл»*. Таким образом, социология должна быть «понимающей», так как имеет дело с осмысленными действиями индивидов.

Наиболее «понятийным» является действие, направленное к достижению ясно осознаваемых самим индивидом целей и использующее для их достижения средства, признаваемые самим этим индивидом адекватными. Описанный тип действия Вебер называет *целерациональным*. Это идеальный тип, который он предлагает использовать в социальных исследованиях. Выбирая в качестве методологической основы целерациональное действие

* М. Вебер. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1998. - С. 503.

Вебер отмежевывается от тех социальных теорий, которые отталкиваются от «социальных тотальностей» (вроде «народы», «общества», «цивилизации»), которые также являются идеальными типами. Если это осознавать, то можно избежать опасности подменять этими типами саму реальность. Таким образом, Вебер в качестве исходной предпосылки социального исследования ставит не целое – общество, а отдельно взятого рационально действующего индивида. Потому такую позицию можно обозначить как методологический индивидуализм.

Однако Вебер не сторонник крайнего индивидуализма, ибо неотъемлемым моментом социального действия является его ориентация на другого индивида или индивидов. ***Наличие субъективного смысла и ориентация на Другого – два необходимых признака социального действия.*** В таком случае, мы не можем отнести к социальным действиям такие явления как, например, молитвы или медитации. Нельзя назвать социальными и действия подражательного или имитационного характера.

Вебер ставит задачу – необходимо понять, как субъективно подразумеваемый смысл связывает одного индивида с другим, на каких основаниях происходит интеграция. Предметом исследования становится не поведение, а то, чем руководствуются отдельные люди, даже будучи внутри какого-то сообщества.

М.Вебер выделяет 4 идеальных типа социального действия:

Целерациональное;

Ценностно-рациональное;

Аффективное;

Традиционное.

Социальное действие может быть определено целерационально, т.е. через ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и при использовании этого ожидания как средства для рацио-

нально направленных целей. Критерием рациональности выступает успешность.

Социальное действие может быть определено ценностно-рационально, т.е. через сознательную веру в этическую, эстетическую, религиозную или какую-либо еще безусловно понимаемую ценность (самоценность) определенного поведения, взятого просто как таковое, безотносительно к успеху.

Социальное действие может быть определено аффективно, т.е. через актуальные аффекты и чувства или традиционно – через привычку. Эти два последних не являются социальными в строгом смысле слова, так как здесь отсутствует осознанный и положенный в основу действия смысл.

Как замечает М. Вебер, перечисленные идеальные типы – это инструментарий, которым пользуется исследователь, чтобы схематизировать многообразную социальную действительность. Разумеется, социальная реальность включает в себя гораздо большее количество видов ориентации человеческого поведения, но приведенные автором – самые характерные.

Более того, с точки зрения М. Вебера, рационализация социального действия – это характерная тенденция самого социально-исторического процесса. Одним из базовых компонентов «рационализации» действия можно считать постепенную замену внутренней приверженности привычным традициям и обычаям постепенным приспособлением к соображениям расчета. Таким образом констатируется процесс вытеснения ценностно-рационального поведения целерациональным. Рационализация общественной жизни – специфическая черта Западного общества. Это определенным образом находит подтверждение в конкретных проявлениях социальной жизни: рационализируется политика, способ ведения хозяйства, даже культура. Идет колоссальное усиление роли науки в жизни общества, а наука есть чистое воплощение рационализма. Однако самым очевидным приме-

ром целерационального действия является, конечно, действие экономическое. Капитализм Вебер считал самым мощным фактором развития современности.

По М. Веберу западноевропейский капитализм – это особый феномен, обусловленный взаимодействием целого ряда экономических, религиозных, политических и других структур. Он имеет собственную нравственную ценность, являясь к тому же и особым типом мышления, специфической логикой, истоки которой можно найти в античности. В критикует интерпретацию капитализма сугубо в экономическом ключе как слишком узкую. Это, конечно, явный выпад против марксизма и его «бичеванию» капиталистического способа производства, единственным двигателем которого является «жажда наживы». Вебер считает это неверным и отмечает, что стремление к наживе характерно для всех исторических эпох и всех народов. По Веберу главная черта современного капитализма – это бюрократическая рационализация, которая будет прогрессировать вне зависимости от того, какая форма собственности на средства производства доминирует. в случае, когда средства производства принадлежат государству – это государственный капитализм. Он не считал, что классовая борьба неизбежна и разрушительна. Стоит сказать, что и социальную структуру общества он трактовал отлично от Маркса. Вебер выделял статусные группы, которые отличаются по характеру потребления, а не по отношению к собственности.

Формирование общей теории действия:

структурный функционализм Т. Парсонса

Т. Парсонс (1902-1979) – американский социолог, предпринявший попытку масштабного объединения теорий Э. Дюркгейма, М. Вебера, З. Фрейда и др. в общую теорию социального действия. Один из отцов современной теоретической социологии.

Основные произведения: «Структура социальной деятельности», «Система современных обществ», «Социальная система».

Т. Парсонс поставил задачу выстроить такую системную модель общества, которая бы носила всеобщий характер. Он стремился доказать, что все трудности и проблемы с которыми сталкивается система – часть эволюционного процесса, который в целом идет к достижению большей стабильности. Наиболее важными чертами достигнутого Парсонсом синтеза следует считать объединение «холистического» (Э. Дюркгейм) и «индивидуалистического» (М. Вебер) способа объяснения социального действия.

Важно отметить два момента.

Парсонс рассматривал социальный мир сквозь призму ценностей и норм (т.е. человеческих идей). Нормы – социально одобренные правила, которые используются индивидами в процессе принятия решений относительно тех или иных действий. Ценности – ожидания людей относительно того, какой должна быть реальность; они также являются регуляторами человеческих действий. Наиболее важные социальные процессы и протекают в виде коммуникации значений, символов и информации.

Парсонса интересует процесс организации действий индивидов в системы действия, анализ которого возможен при синтезе холистического и индивидуалистического подходов.

Социолог отталкивается от аналогии между обществом и биологическим организмом (живой системой). Он считает, что социальная жизнь и есть живая система особого типа.

Таким образом, идея системности социальной жизни связана со «структурной составляющей» теории т. Парсонса, а аналогия с живым организмом - «функциональную».

Структурно-функциональный подход к обществу

Парсонс указывает на то, что аналогично телу живого организма, который для удовлетворения своих потребностей использует определенные органы, система социального действия имеет свои потребности, удовлетворение которых осуществляется через функционирование ее частей, что и обеспечивает выживание. Все живые системы направлены к равновесию, сбалансированному отношению между составными частями и самосохранению. Т. Парсонс ставит вопрос : **«Как возможен социальный порядок»?**

Прежде чем изложить ответ на этот важный вопрос, нужно отметить, что Т. Парсонс сам о себе говорил как о «неисправимом теоретике». С его точки зрения, есть несколько требований, которым должна соответствовать теория.

Мир сам по себе очень многообразен и сложен. чтобы придать ему смысл, необходимо выработать и применить к нему некоторые общие идеи. Отталкиваясь от понимания системности мира, нужно придать систематичность и последовательность нашим общим идеям, посредством создания абстрактных понятий. Логическая последовательность – вот главное требование, которому должна отвечать теория. Если данное требование удовлетворено, то затем в логически когерентной теории социальных наук должно быть сведено воедино все, что нам уже известно о мире социального. Т. Парсонс предпринимает попытку перевести в собственную категориальную систему все социальные теории. Таким образом, следует отметить, что он отталкивается от убеждения в рациональности социального мира как такового и предлагает осмысливать его в рамках логичной и рациональной теории.

Центральной задачей, поставленной Парсонсом, было исследование структуры социальных систем. Для этого он вводит **четыре типа независимых переменных:**

1. Ценности;
2. Нормы;
3. Коллективы;
4. Роли.

Ценности – то, что обеспечивает сохранение и воспроизведение образца; они суть представления о желаемом типе социальной системы, которые регулируют процессы принятия субъектами действия определенных обстоятельств.

Нормы выполняют функцию интеграции социальной системы⁴ они конкретны и специализированы применительно к социальным функциям и типам социальных ситуаций. Они включают элементы ценностной сферы, которые конкретизированы в соответствие с уровнем социальной системы. Нормы содержат конкретные способы ориентации для действия в условиях, специфичных для коллективов и ролей.

Коллективы – устойчивые группы, отвечающие двум критериям: во-первых, они должны иметь статус членства; во-вторых, внутри коллектива должна быть дифференциация членов по статусу и функциям (от каждого члена коллектива ожидается определенное поведение). Коллективы – это такие структурные компоненты, для которых важна функция целедостижения.

Роль – структурный компонент, выполняющий функцию адаптации; с ее помощью определяется класс индивидов, который посредством взаимных ожиданий включается в тот или иной коллектив. роли охватывают основные зоны взаимопроникновения личности индивида и социальной системы.

Таким образом, любая социальная система состоит из структурных компонентов; для того, чтобы достичь стабильной институционализации, коллективы и роли должны ориентироваться на конкретные ценности и

нормы. Сами же эти ценности и нормы, с другой стороны, институционализируются постольку, поскольку претворяются в жизнь конкретными коллективами и ролями.

Общество как система социального действия

Парсонс использует термин «действие» вместо «поведение», так как его интересуют именно устойчивые образцы или модели поведения, процесс их образования, механизмы, управляющие этим процессом.

Каким образом система действия влияет на индивида и определяет его выбор?

Системы действия являются открытыми (т.е. обмениваются информацией и ресурсами с внешней средой). Чтобы существовать и функционировать они должны удовлетворять четырем потребностям:

- **адаптация** (приспособление к окружению);
- **целеполагание** (обладание средствами для определения порядка достижения целей и мобилизации ресурсов в порядке этого достижения);
- **интеграция** (поддержание единства и исключение отклонений от него);
- **латентность** (воспроизводство, поддержание образца).

Таким образом, каждая система на более низком уровне представлена четырьмя подсистемами, образующимися для удовлетворения этих системных потребностей.

Подобным образом Т. Парсонс выделяет основные уровни системной иерархии, отталкиваясь от идеи, что процесс институционализации выступает как способ образования подсистем, каждая из которых несёт функцию удовлетворения названным условиям.

Живая система (включающая в себя все биологические организмы) образует в соответствии с этим четыре подсистемы.

- Физико-химическая подсистема (функция – адаптация).

- Органическая подсистема (функция – целедостижение).
- Телическая (трансцендентальная) подсистема (функция – латентность).
- Подсистема действия (функция – интеграция).

Для *системы действия* можно, в свою очередь, выделить следующие подсистемы.

- Биологическая система (организм). Выступает в качестве соединительного звена между материальным и идеальным мирами (нормами, ценностями, значениями), составляющими мир действия. Выполняет функцию адаптации.

- Система личности. Формируется в процессе социализации индивида, который направлен на интернализацию ценностей и норм. Это инструмент, посредством которого система действия определяет порядок целей. Выполняет функцию целеполагания.

- Культурная система. Совокупность «исторического опыта» – идей, идеалов, ценностей и т.д. Конкретизирует идеи в нормах социальной системы и интернализирует их в системе личности. Выполняет функцию «поддержания образца».

- Социальная система. Совокупность ролевых статусов, управляемая нормами. Нормы определяют, какие действия предпочтительны. Функция – интеграция.

По отношению к *социальной системе* можно говорить о существовании следующих четырёх подсистем (каждая из которых, в свою очередь, может анализироваться как относительно самостоятельная система).

- Экономическая система. Играет роль связующего звена между социальной организацией и природным окружением. Функция – адаптация.

- Политическая система. Включает в себя все формы принятия решений, стандартизации целей и мобилизации ресурсов для их достижения. Функция – целедостижение.
- Система «социетальной» общности. Включает в себя все институты социального контроля от законов до неформальных правил. Функция – интеграция.
- Система социализации. Основная задача состоит во включении человека в существующие культурные системы. Функция – «поддержание образца».

Выделение уровней можно продолжать до тех пор, пока мы не опишем конкретное социальное явление. Таким образом, концепция Т. Парсонса создаёт систему абстрактных категорий – единый язык описания социальной реальности.

Т. Парсонс полагает, что существуют две системы реальности, которые по отношению к системе действия являются её средой, а не составляющими. Первая из них – это физическая среда, которая включает в себя не только явления, описываемые в терминах физики и химии, но и мир живых организмов, если только они не интегрированы в систему действия. Вторая система, независимая как от физической среды, так и от самих систем действия, именуется им «высшей реальностью»; существование её связано с системой действия посредством структурирования в культурной системе смысловых ориентаций, которые включают в себя познавательные «ответы», не ограничиваясь ими.

Социальная система выступает как интегративная система общей системы действия, составляя «ядро» единичного акта, в то время как остальные подсистемы действия выступают как её окружение, структурно дифференцированное относительно наиболее важных отношений «система действия – среда». Главное содержание самой социальной системы представ-

лено системой «социетальной общности» – системой нормативных образцов, посредством которых упорядочивается и организуется совместная жизнедеятельность индивидов. Главными чертами этой системы выступают упорядоченность отношений между индивидами и коллективность существования людей. Поэтому, как упорядоченная система, социетальная общность содержит ценности и дифференцированные и специализированные нормы и правила, наличие которых предполагает культурную референцию, способствующую их легитимации. Система социетальной общности конституируется одновременно и нормативной системой, и системой ролевых статусов.

Способы анализа действия – варианты и альтернативы

Т. Парсонс исходит из *концепции кибернетической иерархии и информационного обмена* взаимодействующих систем и подсистем. Поэтому отношения между системами и подсистемами и внутри них рассматриваются им как обмен информацией – совокупностью символов, вызывающих структурные изменения в принимающей и передающей системах. Посредством обмена символьной информацией система, с одной стороны, поддерживает интеграцию, а с другой – утверждает собственную независимость, поддерживает границы. Это *теория коммуникации значений* – ценностей, норм и т.д., выраженных в форме символов.

Любая система контролируется такой подсистемой, которая обладает большим информационным потенциалом и потребляет наименьшее количество энергии. Чем ниже энергетическое потребление системы и выше её информационный потенциал, тем более высокое место она будет занимать в системной иерархии, и тем большее влияние она будет оказывать на поведение других подсистем. Среди систем действия наибольшим энергетическим потенциалом обладает система биологического организма. Она создает условия для протекания действия и в то же время оказывает на него

наименьшее управляющее воздействие. Система, обладающая наименьшим энергетическим потенциалом, – культурная. Но она, наоборот, обладает более высоким контролирующим статусом.

Структура действия у Т. Парсонса представлена взаимодействием четырёх взаимосвязанных, но не сводимых друг к другу «аналитически отличных» систем: биологической, культурной, личностной и социальной. Все они имеют одинаковое влияние на действие. При анализе взаимоотношений между подсистемами действия, а также между ними и средой действия важно не упускать из виду явление *взаимопроникновения*, наиболее известным примером которого может служить *интернализация* социальных объектов и культурных норм в личности индивида. Другим примером является приобретаемое путём обучения содержание опыта, которое систематизируется и хранится в памяти индивида. Т. Парсонс называет также *институционализацию* нормативных компонентов культурных систем в качестве конститутивных структур социальных систем как ещё один пример взаимопроникновения.

Приоритет той или иной системы имеет ситуативный характер. Каждая система стремится к поддержанию границ и интеграции, обмениваясь информацией с другими системами. В соответствии с системной иерархией, системы более высокого информационного уровня играют преобладающую роль в контроле над поведением других систем.

Система социетальной общности должна структурировать свои отношения к трём системам действия – культурной, личностной и биологического организма, создавая тем самым три функциональных подсистемы социальной системы: политическую, экономическую и систему социализации. Наиболее важными отношениями для социальной системы выступают её отношения к системе культуры. Центральной функциональной потребностью этих отношений является легитимация нормативного порядка соци-

альной системы, т.е. обоснование правильности или неправильности тех или иных действий индивида. Концепция легитимации не предполагает приложения морали к социальным отношениям; Т. Парсонс полагает, что более правильным является следование институционализированным образцам, чем отклонение от них.

Отношения социальной системы к системе личности радикально отличаются от её отношений к системе культуры ввиду того, что личность располагается ниже социальной системы в кибернетической иерархии. Социальная система представляет собой одну сторону поведения человека; в качестве второй выступает жизнедеятельность человеческого организма. Поэтому экологический аспект отношений между индивидами и их действиями, а также органические процессы и процессы развития и функционирования личности не могут быть исключены из поля зрения социального исследователя. Все они являются постоянно присутствующими факторами, определяющими конкретное действие. Функциональные требования, выдвигаемые личностями, организмами и физико-органическим окружением, составляют сложную взаимопересекающуюся систему измерений действительной организации и существования социальных систем.

Основной функциональной проблемой отношений социальной системы к системе личности в теории Т. Парсонса выступает проблема социализации. Социализация определяется им как совокупность процессов, посредством которых люди становятся членами системы социетальной общности и устанавливают определённый социальный статус. Сложные отношения между личностью и социальной системой включают в себя, с одной стороны, установление и развитие адекватной мотивации для принятия участия в социально контролируемых образцах действия, а с другой, – адекватное удовлетворение и поощрение участников такого действия. Таким образом, первичной функциональной потребностью социальной системы по отноше-

нию к личности её членов является мотивация участия в социальной системе, предполагающая согласие с требованиями нормативного порядка.

Последним важным типом отношений социальной системы к своему окружению является отношение к системе биологического организма. Это отношение структурирует экономическую подсистему общества, которая сконцентрирована вокруг удовлетворения материальных потребностей. Экономика в понимании Т. Парсонса представляет собой аспект системы социетальной общности, функционирующий не только для социального упорядочения технологических процедур, но также для включения их в социальную систему и обеспечения контроля над ними в интересах социальных элементов (индивидуальных или коллективных).

Ещё одно понятие, используемое Т. Парсонсом для анализа развития общества заслуживает внимания. Это понятие «*образцовых переменных*», которое рассматривается как основная теоретическая система координат для анализа социального действия и социальных систем. Данное понятие представляет собой своего рода оси координат, конструирующие многомерное пространство (в сочетании с четырьмя относительно независимыми системами действия, каждая из которых выполняет определённую функцию) выбора действующего лица. Каждая ось представлена крайними значениями, образующими пары переменных, и в реальности, по мнению Т. Парсонса, можно говорить лишь о степени отклонения выбора в ту или в другую сторону.

- *Универсализм – партикуляризм*. Объект рассматривается как нечто уникальное или как проявление общего. Эта альтернативная пара характеризует критерии, применяемые при принятии решений в конкретной ситуации, используются при этом согласованные или же субъективные стандарты.

- *Эмоциональность – эмоциональная нейтральность*. Степень эмоциональной окрашенности взаимодействия, количество, интенсивность чувств, проявляемых «действующим лицом» в определённой ситуации.

- *Достижение – приписывание*. Оценка субъекта как такового или с точки зрения его потенциальной инструментальности. Данная пара описывает ещё одну совокупность критериев принятия конкретного решения от оценивания другого лица на основе его природных свойств – расы, пола, возраста и т.д. — до оценивания его с точки зрения качества исполнения им роли. Она показывает, строит ли «действующее лицо» свои отношения с другими лицами на основании их достижений или же на основании приписываемых им качеств, не связанных с исполняемыми ими ролями.

- *Диффузность – специфичность*. Многосторонность и односторонность взаимодействия с объектом. Показатель степени вовлечённости в конкретное взаимодействие, определяющий уровень обязанностей «действующего лица»: от узких – специфичных, до широких (расплывчатых) – диффузных.

С помощью понятия «образцовых переменных» Т. Парсонс сводит воедино два важнейших противоположных момента: с одной стороны, теорию действия, связанную с индивидуальным выбором; с другой – системную теорию. И индивидуальное действие, и системная организация могут быть рассмотрены, как выбор между альтернативами – ведь любое действие предполагает выбор. Четыре пары переменных и есть эти альтернативы.

Развитие общества Т. Парсонс видит как эволюционный процесс, включающий в себя структурную дифференциацию и взаимодействие систем и подсистем действия. На каждом новом уровне этот процесс сопровождается всё большим упорядочением системных отношений, повышением внутренней сложности систем и большими возможностями для удовлетворения системных потребностей. Причинно-следственные приоритеты

взаимодействия систем неопределённые, системы адаптируются друг к другу, дифференцируются и интегрируются, их отношения ситуационны. Т. Парсонс не отдаёт предпочтения ни одному из факторов социальной эволюции. Он представляет её как вероятностный процесс, объяснение которого возможно только с учётом всех факторов, вовлечённых в конкретное социальное явление.

В изданной в 1971 году работе «Система современных обществ»^{*} Т. Парсонс, отталкиваясь от своей общетеоретической схемы, на конкретно-историческом материале прослеживает становление системы обществ современного типа и географическое перемещение центра всемирного *процесса модернизации*, начавшиеся в XVI-XVII вв. и продолжающиеся в наши дни; рассматривает процесс перехода от агрокультурного общества к индустриальному и от последнего – к новейшим типам обществ. Достаточно интересной, на наш взгляд, была бы попытка проследить, каким образом концептуальная схема Т. Парсонса интерпретирует изменения и конфликты на примере анализа им проблем молодёжных субкультур, возникших, по его мнению, в результате масштабных исторических изменений, произошедших в XX веке.

Социальное действие и его структура : субъективистский подход.

Символический интеракционизм

Представители и тексты: Дж. Г. Мид «Разум, Я и Общество», Г. Блумер «Общество как символическая интеракция», И. Гофман «Представление себя другим в повседневной жизни».

Символический интеракционизм исходит из идеи рассмотрения социального мира по аналогии с процессом общения (плавность течения, разви-

^{*} Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – Москва : Аспект Пресс, 1997. – 270 с.

тие, творчество). Основные положения теории символического интеракционизма (по Г. Блумеру):

1. Человеческая деятельность осуществляется в отношении объекта на основании тех значений, которые им придают.

2. Сами эти значения есть продукт социального взаимодействия (интеракции) между индивидами.

3. Значения изменяются и применяются посредством интеракции – процесса, осуществляемого каждым человеком по отношению к символам, которые его окружают.

По сути, все это и отличает человеческое общество. Язык – тот решающий фактор, который определяет качественное своеобразие человеческого взаимодействия. Язык обладает символической природой и способностью порождать одинаковые реакции на языковые конструкции при общении, что, в свою очередь, становится основой способности ставить себя на место другого.

В то же время, каждый языковой символ (слово) – частное значение, возникающее в результате частного же взаимодействия и иллюстрирующий свою договорную природу. По сути, это следствие человеческого стремления к кооперации (Дж. Мид описывает процесс развития языка как интимный, приводя в пример «свой» язык, возникающий между влюбленными людьми). Развитие социального мира оказывается тождественно внутреннему процессу создания значений в ходе постоянного взаимодействия (интеракции). Мы создаем наш мир социального, определяя, обозначая, придавая ему смысл. В процессе развития и изменения значений, меняется и социальная реальность. Знаки-символы позволяют оперировать предметами без «соприкосновения». Мыслительные операции предваряют любую практику. Таким образом, интерпретация рассматривается как основная движущая

щая сила социального процесса. Интерпретация – «внутреннее» общение между двумя фазами Я (по Миду): «I» и «Me».

«Me» – эта свойственная данному индивиду совокупность установок «Других», ценностей и норм общества; то, как индивид видит себя глазами других людей и как усваивает эти обобщенные представления о себе.

«I» – наоборот, имеет самоценный характер, представление индивидом самого себя, самоопределение, «самость», источник спонтанного, непредсказуемого поведения, отражающего специфические реакции человека на социальные стимулы. Реагируя отклоняющимся от ожиданий образом, «I» вносит в структуру взаимодействия изменения, которые, суммируясь, изменяют содержание социального процесса, не давая ему превратиться в жесткий формальный социальный порядок.

Дальнейшее развития теории символического интеракционизма связано с именем И. Гофмана. Сам он называл свою концепцию «драматургическим подходом».

Роли – экспектации, которые другие имеют относительно нашего поведения в определенных ситуациях. Гофман рассматривает их как сценарии, которые мы разыгрываем и детально разбирает сам процесс игры.

«Умение подать себя» (*impression management*) продолжается все время, как если бы мы были рекламными агентами самих себя. Все, что нас при этом окружает в действительности – «декорации». При этом мы стремимся сохранить в неприкосновенности «закулисную жизнь» – личное пространство, где мы можем позволить себе не играть. Гофман описывает каналы, по которым «I» представляет «Me», однако вопрос о природе этого «I» остается открытым. Все редуцируется к процессу игры: личность не обнаруживает сущности, играет то, что от нее ожидают в различных ситуациях, а, следовательно, личностей столько сколько ситуаций.

Заслуга И. Гофмана в том, что он обратился к той области социальной жизни, которая до него не была предметом исследования – непосредственной социальной интеракции. Он говорит об этом как о «ситуации лицом к лицу», когда индивиды находятся в непосредственной близости, реагируют на действия друг друга и оказывают друг на друга влияние. Так возникает особая реальность, которую Гофман называет «порядком взаимодействия», которая и есть структура социального взаимодействия, возникающего каждый раз при физическом соприсутствии нескольких лиц. порядок взаимодействия и есть предмет исследования для социолога.

Здесь можно отметить некоторое расхождение драматургического подхода с теорией символического интеракционизма. Интеракция в первом случае, это не столько «поток символически опосредованной коммуникации», сколько взаимодействие небольшого числа людей в ситуации соприсутствия. Драматургическая перспектива предлагает описание приемов управления впечатлениями, выработанных в данном порядке взаимодействия. Т.е. акцент переносится с символического опосредования общения на взаимное восприятие людей, находящихся в некотором относительно замкнутом взаимодействии. Теория И. Гофмана критиковалась одним из основателей символического интеракционизма – Г. Блумером – за игнорирование специфики межличностной коммуникации, сведение участников общения к ролям исполнителей и зрителей, вместо того, чтобы рассматривать их как взаимодействующих партнеров.

Феноменологический подход к обществу А. Шюца

А. Шюц (1899-1959) – австрийский и американский социолог и философ, был профессором социологии Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке; основоположник феноменологического подхода в социаль-

ных исследованиях и соответствующей школы (П. Бергер, Т. Лукман, Г. Гарфинкель)

Основные работы: «Смысловое строение социального мира», «Феноменология социального мира», «Структуры жизненного мира».

Предметом исследования А. Шюца становятся формальные структуры повседневных человеческих взаимодействий. Начать здесь необходимо с определения исходных позиций. Каждый человек помещен в повседневный мир индивидуально – и физически, и по смысловым характеристикам. Шюц называет это «биографической ситуацией», когда видение мира и своей позиции определяется обстоятельствами рождения, взросления, воспитания, религиозным и идеологическим воздействием и т.д. Биографическая ситуация – это индивидуальная транскрипция биологических и социокультурных факторов, воздействующих на человека; это то, что делает мир вообще «моим» миром. Именно биографическая ситуация служит основой понимания и интерпретации всех социальных взаимодействий: «Место, которое мое тело занимает в мире, мое актуальное *здесь* оказывается тем стартовым пунктом, из которого направляются все мои действия. Это, так сказать, нулевая точка в моей системе координат... и точно также мое актуальное *сейчас* является источником всех временных перспектив, в согласии с которыми я организую явления мира»*. Эти перспективы имеют предметно-смысловой характер. Будучи смыслами, они содержат в себе ряд «осаженных» значений ; они вбирают в себя не только индивидуальную историю развития человека, но и усвоенную в ходе образования и воспитания всеобщую историю предметно-смыслового освоения мира. Поэтому каждый факт из моей индивидуальной перспективы – это *разделяемый с другими* факт. Значит, каждый из моментов опыта индивида *типичен*, т.е. заключен в горизонты возможных подобных этому моментов опыта. Мышление че-

* Шюц А. Структура повседневного мышления / А. Шюц // Социологические исследования. – 1988. – № 2. – С. 130.

ловека изначально склонно к типизации, т.е. к понятийному способу формулирования. Разделение индивидуального и общего, типологизация явлений вокруг индивида – задача его собственной активности. источником типологизирующей активности выступает практический интерес и релевантность явления с точки зрения целей субъекта, которые, в свою очередь, определяются перспективой отношений с миром, т.е. биографической ситуацией.

Таким образом, типичность объектов и явлений повседневного опыта сама по себе еще не дает возможности установления некоего интерсубъективно надежного медиума, который гарантировал бы взаимосогласование социальных действий. повседневное мышление преодолевает различие индивидуальных перспектив при помощи двух главных идеализаций.

Идеализация взаимозаменяемости точек зрения: я заранее предполагаю (и мой партнер также), что если я поменяюсь с ним местами, и его здесь станет моим, я буду видеть объекты в той же самой типичности, что и он в настоящий момент; более того, в пределах моей досягаемости будут находиться те же самые вещи, что у него сейчас (работает и обратное отношение).

Идеализация совпадения систем релевантности: я считаю – и полагаю, что мой партнер делает то же самое – что различие перспектив, исходящее из уникальности биографических ситуаций, несущественно (иррелевантно) с точки зрения наличия целей каждого из нас; он и я полагаем, что мы отбираем и интерпретируем актуально и потенциально общие объекты тем же самым способом.

По Шюцу, эти идеализации являются средством «снятия» черт своеобразия личного опыта. Распространение этой предпосылки на всю совокупность социальных взаимодействий ведет к формированию общих представлений, свойственных каждому и никому «в частности». Это «аноним-

ное» знание (ничье) воспринимается как объективное, т.е. независимое от сознания моего и моего партнера, от наших биографических ситуаций и от наших целей. Так возникает ощущение объективности воспринимаемого, общего для всех интерсубъективного мира. Это и есть мир повседневности, наш привычный социокультурный мир. По своему генезису знания он имеет социально детерминированный характер, но в сознании акторов выступает как объективный. С точки зрения Шюца эта социально организованная объективность – важнейшая характеристика мира повседневной жизни. Шюц писал, что феноменология дала нам учение о феноменологическом *еросхе*, идею воздержания от веры в реальность мира как средства преодоления естественной установки, заключающейся в обыденном отношении к миру. Но, считает Шюц, в самой естественной установке, в мире повседневной жизни, люди используют иное *еросхе* – воздержание от сомнения в существовании мира. Это специфическое *еросхе*, оно представляет из себя не сознательную умственную операцию, но продукт социализации. Достаточно представить себе некое сообщество, живущее по своим традициям и нормам, с устоявшейся картиной мира, разделяемой всеми членами сообщества. Когда в такое сообщество попадает «чужак», он не понимает каких-то вещей, тем самым проблематизирует их. То, что для одних является само собой разумеющимся, для других, вышедших из иных условий социализации, будет казаться странным.

Предпосылка взаимности перспектив не подразумевает их постоянной актуальности, скорее речь идет о возможности их совмещения. Перспективы многообразны, люди отличаются друг от друга. Понимание этих отличий так же есть элемент повседневного знания – это фиксируется в различных типологиях, вроде типов личности или видов мотивации и т.д.

Анализ действия в повседневной жизни

А. Шюц понимает действие как человеческое поведение, спланированное заранее, т.е. основанное на проекте. Он особо подчеркивает эту временную перспективу. Наличие проекта подразумевает «воображаемое» перенесение себя в будущее, когда действие будет завершено, так как при наличии представляемого результата становится возможным подобрать средства. Действующий индивид представляет свое действие не просто в будущем времени, а в будущем совершенном. Здесь необходимо выделить два момента: во-первых, проблема повседневного понимания мотивов, а во-вторых, проблема рациональности повседневных действий.

Для самого действующего индивида мотивом выступает представление о будущем состоянии дел, т.е. это мотив «для-того-чтобы». Ему противостоит мотив «потому-что», который соотносит действие с прошлым. Сам планирующий действие человек не в состоянии представить собственное поведение в его типологической определенности.

Шюц рассуждает следующим образом: настоящее действие не доступно для рефлексии, так как человек способен к некоторой рефлексии лишь когда отдален от себя во времени, т.е. над своим прошлым. Это значит, что в момент совершения поступка мотив «потому-что» не осознается самим актором. Однако всегда имеется Другой – участник социального взаимодействия, который как раз воспринимает поступок партнера в типологической определенности. в момент поступка Другой – это наблюдатель, который, схватывая на основе опыта тип поступка, формулирует свой «для-того-чтобы» мотив, на основе которого и возникает поступок-реакция (ответ). Так на основе индивидуальных, субъективных мотивов и выстраивается цепочка типических человеческих взаимодействий. в ее основе лежит способность партнеров приписывать друг другу типических мотивационных моделей. Мы взаимодействуем не с людьми, а с типами. Более того,

сами события, участниками которых мы являемся, не смотря на их изнутри переживаемую уникальность, тоже имеют типический характер, хотя и отличаются по степени типичности. Например, объяснение в любви все же отлично от формального извинения перед прохожим, которого вы нечаянно толкнули. в первом случае мы имеем дело не с типом, а скорее с образом – уникальной телесно-душевной целостностью, хотя так же не лишенной типичных характеристик (пол, физические и психические особенности, воспитание и т.п.). извинение же – чистый тип, так как на месте этого прохожего мог оказаться любой другой человек, это не изменило бы суть ситуации, это анонимность в чистом виде. строго говоря, любовь выходит за пределы обычной жизни, она не совпадает с логикой повседневности. по Шюцу – это одна из конечных смысловых сфер, сообщающаяся с повседневностью, но не совпадающая с ней. Для последней же характерны не прямые и мало индивидуализированные взаимодействия.

Чем выше степень типичности взаимодействий, тем более они институционализированы, стандартизированы, тем более согласованными оказываются события обычной повседневной жизни, тем выше возможность удачной реализации индивидуальных проектов.

Тут мы приходим к ответу на вопрос о рациональности повседневных действий. поведение, соответствующее типичным моделям обычно и именуют естественным и рациональным (отсылка к пониманию рационального действия у М. Вебера).

Любой проект действия предполагает выбор, состоящий по крайней мере из двух возможностей – делать или не делать. Для того, чтобы выбор можно было считать рациональным, актер должен четко представлять себе ряд моментов: 1) обстоятельства, в которых действие будет совершаться; 2) представляемый результат (цель): изолированных целей нет, поэтому необходимо четко представлять место этой конкретной цели во всей иерархии

целей – жизненном плане; 3) применяемы средства, связанные с ними издержки и вообще степень целесообразности использования этих конкретных средств; 4) реакция Другого, которую нужно учитывать чтобы суметь реализовать цель.

Шюц считает, что это просто невыполнимые условия, однако мы не можем отрицать, что повседневность при этом практически целиком состоит из рациональных и понятных действий. Этот факт может быть объяснен тем, что люди в своих поступках ориентируются на социально одобряемые групповые стандарты, нормы и обычаи. Но (!) ни происхождение, ни важность этих стандартов не воспринимается рационально, поэтому в строгом смысле слова, основанное на них поведения рациональным назвать проблематично. Это парадокс – чем более стандартизировано повседневное взаимодействие, тем более оно успешно, тем менее оно рационально (в смысле Вебера).

Учение о конечных смысловых сферах

Американский философ и психолог У. Джеймс в работе «Принципы психологии» писал о существовании многообразных миров опыта. Причем критерием реальности таковых является психологическая убежденность (вера). А. Шюц отталкиваясь от этих идей, вводит понятие «конечная область значений», под которой он понимает некоторую совокупность данных нашего опыта, если все они демонстрируют определенный когнитивный стиль и являются в себе непротиворечивыми и совместимыми друг с другом. Повседневность – это одна из таких конечных областей значений (наряду с наукой, религией, искусством, фантазиями и т.п.).

Шюц стремится определить специфические составные элементы когнитивного стиля:

1. Специфическая напряженность сознания (напряженное внимание, настороженное бодрствование, эпическое спокойствие, психотическая воз-

бужденность, пассивность сознания (сон) – особая форма напряженности сознания специфична в каждой конкретной сфере опыта);

2. Особенное ероче – феноменологическая редукция, вынесение «за скобки» определенных установок сознания (в случае повседневности, как мы помним, это воздержание от сомнений в реальности мира, но можно подумать в чем состоит процедура ероче применимо к игре, или театральной постановке, церковной церемонии и т.п.);

3. Преобладающая форма активности (физическая деятельность, эмоциональная активность, воображение, мышление и т.п.)

4. Специфическая форма личной вовлеченности – степень «захваченности» человека опытом (участник или наблюдатель, например);

5. Особенная форма социальности – специфика наличия Другого или Других, своеобразие устанавливаемой коммуникации;

6. Особенности переживания времени.

По этим пунктам, как считает Шюц, можно выделить отличительные особенности каждой из сфер реальности (опыта). говоря о конечной области значений, автор имеет в виду , что каждая из сфер замкнута в себе и не имеет прямой коммуникации с другими. Переход из одной конечной области значений в другую всегда скачок, психологически сопровождаемый определенными переживаниями.

Каковы же основные элементы повседневности как конечной области значений?

1. Бодрствующее, напряженное внимание;
2. Воздержание от сомнений в существовании мира;
3. Деятельность по выдвигению и реализации проектов (Шюц особо подчеркивал, что именно трудовая активность играет важнейшую роль в конструировании повседневной жизни);

4. Трудящееся Я выступает как целостное, так как соединяет и физическую активность, и созерцающую рефлексивность, и воображение (проективность мышления);

5. Интерсубъективно структурированный мир социального действия и коммуникации;

6. Стандартное (трудовое) время.

Таким образом, повседневность – это сфера человеческого опыта, характеризующаяся особой формой восприятия и осмысления мира, возникающей на основе трудовой деятельности.

Стоит отметить, что другие конечные области значений, по мнению Шюца, вторичны по отношению к повседневности, ибо последняя представляет собою «верховную реальность» – ту, в которую мы снова и снова возвращаемся из игры, фантазии, религиозного опыта и т.д.

Феноменологическая социология, если сравнить её со структурным функционализмом, стремится уйти от чрезмерно абстрактных теоретических построений, обращаясь к нашему непосредственному ежедневному опыту. Однако, подобно символическому интеракционизму, она не создаёт самостоятельной концепции общества, останавливаясь на процессе межличностного взаимодействия; существование общества редуцировано к «запасу общих знаний». Более подробно этот аспект феноменологической социологии разрабатывают П. Бергер и Т. Лукман в работе «Социальное конструирование реальности».

В этой работе представлена попытка построения феноменологической теории общества через соединение холистического и индивидуалистического способов анализа. «Само собой разумеющиеся» значения продолжают рассматриваться как основа социальной организации, но авторы обращают большее внимание на значения, вырабатываемые совместно и стоящие как бы «над индивидом». Реальную основу этих значений они видят прежде

всего в религиозных верованиях, которые разделяются всеми и составляют ядро социальной организации. Стабильность социальной жизни выводится из социального окружения индивида, которое им же (индивидом) и создаётся через привнесённые ценности и значения, которых он впоследствии и придерживается. Эти значения развиваются и объективируются в социальных институтах, позволяя таким образом социализировать новых членов общества.

Здесь явно прослеживается значительное сходство с идеями структурных функционалистов: и в том, и в другом подходах идеи, культурные ценности и нормы рассматриваются как центр социальной жизни. П. Бергер и Т. Лукман детально описывают сам процесс происхождения ценностей из взаимодействия индивидов, но конечная картина социальной организации остаётся в своих главных чертах той же, что и у Т. Парсонса. Данный подход достаточно органично выглядит в контексте структурного функционализма прежде всего из-за особого внимания к культурной системе, которая у Т. Парсонса выступает как одна из четырёх основных систем общества (и, возможно, наиболее значимая система). Главное различие между ними состоит в том, что представители структурного функционализма гораздо больше внимания уделяли институциональным организациям и систематизации взаимоотношений между институтами, тогда как для П. Бергера и Т. Лукмана данный аспект вторичен. Феноменология как бы помещает действие «внутри», объясняя его из феноменов сознания; сторонникам подобного подхода весьма непросто вновь вывести действие «вовне». Именно поэтому П. Бергер в теоретической социологии рассматривается отнюдь не как теоретик общества, но прежде всего как фигура, связанная с таким направлением исследований, как социология знания.

Теория социально-экономических формаций: структуралистский марксизм Л. Альтюссера

Л. Альтюссер (1918-1990) – французский философ-неомарксист, автор концепции структуралистского марксизма, один из влиятельнейших представителей западного марксизма.

Основные работы: «За Маркса», «Читать “Капитал”».

Оформление структуралистского марксизма, к которому помимо Л. Альтюссера принято причислять Н. Пуланзаса, происходит в 60-е гг. во Франции. Изначально заявляя о своей задаче «очищения» марксистской теории от последующих искажений, авторы все же развили многие классические положения, тем самым создав относительно самостоятельную концепцию.

Структуралистский марксизм является попыткой построения всеохватывающей теории социальной действительности, что сближает его со структурно-функционалистской теорией Т. Парсонса. Однако, если последний движется от индивида к обществу, от поведения к социальной системе, то первый рассматривает обратный процесс – от общества как совокупности структурных элементов к конкретному действующему человеку.

Теория структуралистского марксизма отталкивается от двух понятий: *«практики»* и *«структуры»*. В результате развития содержания этих понятий Альтюссер и приходит к обновленной модели общественной системы – *«социально-экономической формации»*.

Под «практикой» здесь понимается деятельность, в результате которой при использовании определенных средств достигается результат, бывший изначально поставленной целью. По Альтюссеру, экономическая деятельность, т.е. деятельность по производству чего-либо – образец любой практики. Она включает в себя следующие элементы: исходный материал (сырье, опыт), средства производства (рабочая сила и орудия труда) и ко-

нечный продукт. Важнейшая часть практики включает соединение рабочей силы и средств производства, где активность выступает в качестве силы, преобразующей материальный мир. Конкретное личностное бытие представляет собой совокупность различных практик. Л. Альтюссер считал, что основными из них являются экономическая, политическая и идеологическая. При том, что значение имеют не сами элементы этих практик, а их взаимоотношения, совокупность взаимосвязей, проявляющиеся и в определенной организации самих элементов. Вот эти *взаимосвязи* и есть «*структуры*» практик. Именно их нужно рассматривать в качестве уровней общества, которые в свою очередь также вступают в различные отношения, создавая «структуру структур» или «*социальную формацию*».

В отличие от классической марксистской схемы, включающей базис (экономику) и надстройку (политику, идеологию, право, религию и т.д.), Альтюссер предлагает рассматривать общество как многослойную структуру, где на каждом уровне существует собственная совокупность элементов со своей логикой взаимоотношений между ними. Таким образом, мы имеем принципы «относительной автономности» уровней и «двусторонности причинных связей», что позволяет рассматривать политику и идеологию не как простые следствия экономического базиса, а как относительно самостоятельные сферы, способные также оказывать влияние на всю структуру.

Однако в качестве источника социального развития вполне традиционно называются противоречия, только здесь они носят более комплексный характер, не сводясь к классическому противопоставлению производительных сил и производственных отношений. социальная система в целом меняется под воздействием отношений между противоречиями разных уровней внутри «структуры структур», т.е. внутри социальной формации. Согласно Альтюссеру, такие противоречия могут вступать в двоякие отношения: либо они взаимно усиливают друг друга, либо, наоборот, взаимно

нейтрализуют. В первом случае это выльется в стремительные социальные конфликты, вплоть до революции, а во втором в застой и стагнацию.

Справедливости ради, стоит сказать, что Альтюссер все же не уходит далеко от классиков марксизма и вслед за Ф. Энгельсом пишет о том, что наиболее значимыми являются экономические противоречия, однако они практически никогда не оказываются на поверхности, чаще всего они скрыты внешними (политическими и идеологическими) обстоятельствами. В результате появляется идея «доминирующего уровня», согласно которой в различных обществах всегда присутствует уровень, имеющий ведущее значение за счет того, что его структурные элементы детерминируют характер причинно-следственных взаимосвязей в большей степени, чем остальные. Например, для феодальной формации такими уровнями являлись политический и идеологический, а вот в капиталистическом обществе ведущая роль переходит к экономике. Но немаловажное замечание Альтюссера, которое вытекает из необходимости сохранять верность основополагающим идеям Маркса, состоит в том, что именно структура экономической подсистемы общества является определяющей и для наличествующего доминирующего уровня. Другими словами, даже доминирующее положение политико-идеологической сферы является таковым в силу экономических условий.

Также Л. Альтюссер обращается к вопросу о том, что из себя представляет способ производства. Согласно автору, он включает в себя средства производства (сырье, орудия труда и рабочую силу), результат производства (конечный продукт) и «социальные позиции», которые, в свою очередь, делятся на тех, кто трудится («работающие»), т.е. участвующих в процессе производства, и на тех, к то в нем не участвует («неработающие»). В каждом типе общества эти элементы присутствуют с необходимостью, разница лишь в специфике их взаимосвязей, структуре всей конструкции. Связи эти распадаются на отношения собственности и отношения контроля.

Вот в зависимости от того, как конкретно скомбинированы эти элементы и связи, можно говорить о *четырёх типах способа производства*:

1. *Феодализм*. «Не работающим» является феодал, «работающим» крестьянин, основное средство производства – земля. Феодал владеет землей (обладает собственностью), но крестьянин обладает свободой распоряжения собой и собственными орудиями труда, к тому же он обладает контролем над собственностью, т. е. сам определяет, что и в какое время выращивать (обладает контролем над средствами производства).

2. *Промежуточный способ производства*. Период перехода от феодализма к капитализму, основной чертой которого является наличие домашней мануфактуры. В этом случае «работающий» контролирует средства производства, а «не работающий» контролирует использование средств производства. Первый обладает собственностью на орудия труда, а второй – на сырье и конечный продукт.

3. *Капитализм*. «Не работающий» – собственник средств производства, промышленник, фабрикант, банкир и т. д., «работающий» – пролетарий. Первый является одновременно и полным собственником и лицом, осуществляющим контроль.

4. *Социализм*. «Работающий» владеет и контролирует средства производства через расширенную форму представительной демократии.

При всех недостатках этой концепции, у нее есть минимум одно большое преимущество – оно позволяет выстроить «работающую» теорию классовой структуры общества.

Еще одним из важнейших моментов в структуралистском марксизме является специфическая интерпретация роли государства как политического института. Альтюссер отмечает, что помимо экономических механизмов для поддержания определенных отношений (в частности, капиталистических) необходим ряд факторов политического рода. Государство, которое

является центром не только политической системы, но всей социальной формации, берет на себя обеспечение этих условий. У него есть два мощных рычага влияния: во-первых, репрессивный аппарат принуждения в виде полиции, спецслужб и армии, но к нему обращаются в экстремальных ситуациях; во-вторых, то, что можно было бы назвать, мягкой силой – идеология. Но опять же, идеологическое здесь не сводится к теоретическому уровню политического сознания, к сфере идей, политических программ и деклараций. Идеология пронизывает не только государственные институты, она внедряется в систему образования, в культуру, в средства массовой информации, в религиозные организации и т.д. За счет того, что все эти институты, выступая агентами социализации человека, прививают с самого начала жизни индивида определенные нормы и ценности, тот образ мыслей, который не выходит за границы существующего положения вещей, они тем самым способствуют сохранению и воспроизводству всей конструкции социальной формации.

Это, разумеется, спорный тезис, так как Альтюссер практически нивелирует разницу между публичными и частными сферами, сводя их все к роли государственных агентов влияния. Тут можно привести в пример частные образовательные учреждения или независимые от государственного финансирования СМИ, которые способны проводить иную, отличную от официальной, линию. Однако в любом случае, какую-то идеологическую позицию они проводить все равно будут. Ну а в условиях, когда механизмы государственного регулирования и контроля начинают носить всепроникающий характер, влияние конкретной идеологии стремится к абсолютному значению. Таким образом, Альтюссеру все-таки приходится признать, что политические институты вообще, и государство в частности, выполняют функцию обслуживающих «надстроечных» структур.

Последнее, что следует разобрать, это связанный с вышеизложенным вопрос о свободном самоопределении человека в обществе. С точки зрения Л. Альтюссера (здесь он основывает свои рассуждения на структуралистском психоанализе Ж. Лакана), наше представление о собственном свободном волеизъявлении и выборе является иллюзорным. В процессе деятельности у индивида создается впечатление «свободы выбора», однако оно всего лишь следствие работы «государственного идеологического аппарата». Он предшествует становлению человеческой личности: мы рождаемся в обществе с готовыми социальными ролями, с конечным набором возможностей, которые обусловлены нашим местом в классовой структуре. Ощущение, что, включаясь в социальные практики, я свободно выбираю кем я буду и что я буду делать, на самом деле не отражает действительного положения вещей. На самом деле мы встраиваемся в процесс, который уже давно отлажен и воспроизводит сам себя посредством действий реальных людей, функционирующих по установленным правилам. Личностный опыт человека является реальным, но одновременно он воображаем, так как представляет собой лишь производное от внутренней социальной структуры.

Синтез структурализма и феноменологии в теории общества П. Бурдьё

П. Бурдьё (1930-2002) – известный французский социальный мыслитель и общественный деятель, основатель теории структуралистского конструктивизма.

Основные работы: «Начала», «Социология политики», «социальное пространство и символическая власть».

На идейное содержание теории П. Бурдьё оказали влияние такие авторы как К. Маркс, Э. Гуссерль, А. Шюц, К. Леви-Стросс и Л. Альтюссер.

Уже исходя из этих имен можно понять, что Бурдьё видел своей задачей создание такой интегральной теории, которая бы совместила в себе феноменологические теории повседневности и структуралистскую методологию.

Двойное структурирование социальной реальности

Согласно Бурдьё, при исследовании социальных феноменов и процессов следует использовать два подхода.

Первый – структурализм, согласно которому внутри социального целого существуют структуры, не зависящие от воли и мышления людей, однако стимулирующие определенные действия и устремления индивидов. Одновременно, сами структуры являются следствием конкретных постоянно воспроизводимых практик социальных агентов. Совмещение двух этих аспектов автор именует принципом двойного структурирования социальной реальности.

Второй подход – конструктивистский, предполагающий, что действия людей заданы процессом социализации, усвоения конкретных моделей поведения и установок действовать определенным образом. Это можно назвать матрицами социального действия.

Данные методологические установки могут способствовать успешному выявлению причинно-следственных связей в социальном мире.

Концепция габитуса

П. Бурдьё определяет *габитус* как «систему прочных приобретенных предрасположенностей», формируемых окружающей социальной средой. И это одна из важнейших категорий в его теории. Габитус формируется длительное время в процессе постоянного столкновения индивида с объективными факторами общественной жизни – различного рода запретами и санкциями, возможностями или их отсутствием, свободами и границами. Он содержит в себе набор диспозиций – моделей восприятия и действия, приобретаемых человеком в процессе социализации посредством инкорпориро-

вания способов мышления, чувствования и поведения. Диспозиции устойчивы и являются тем механизмом, который заставляет человека воспроизводить усвоенные паттерны в собственных социальных практиках. Здесь присутствуют два взаимосвязанных процесса: интериоризация и экстериоризация – присвоение и воспроизводство.

Таким образом, габитус необходимо рассматривать как систему устойчивых интериоризированных предрасположенностей (принципов), прочных структур. Эти структуры порождают и организуют социальные практики и представления. Они объективно приспособлены для достижения определённых результатов, но не предполагают сознательной нацеленности на эти результаты и не требуют особого мастерства.

Особенностью габитуса является то, что он содержит в себе момент инертности и именно им обусловлен тот факт, что люди чаще всего склонны обращаться к своему прошлому опыту как к образцу действий в настоящем и будущем.

«Habitus, – отмечает Бурдьё, – продукт истории, производит индивидуальные и коллективные практики – опять историю – в соответствии со схемами, порождаемыми историей. Он обуславливает активное присутствие прошлого опыта, который, существуя в каждом организме в форме схем восприятия, мыслей и действия, гарантирует “правильность” практик и их постоянство во времени более надёжно, чем все формальные правила и эксплицитные нормы. Такая система предрасположенностей, т.е. присутствующее в настоящем прошедшее, устремляющееся в будущее путем воспроизведения однообразно структурированных практик <...> есть тот принцип преемственности и регулярности, который отмечается в социальных практиках»*.

* Современная социальная теория: Бурдьё, Гидденс, Хабермас // Под ред. А. В. Леденовой, И. В. Давыдова. – Новосибирск : Из-во Новосибирского гос. ун-та, 1995. – С. 19.

Это хорошо объясняет ситуацию запаздывающей реакции человека на изменившиеся условия. Так бывшие советские граждане, получившие воспитание и образование в социалистической системе при значительной патерналистской роли государственных институтов в жизни общества, в 90-е годы оказались как бы дезориентированы и какое-то время не могли приспособиться к новым реалиям, воспроизводя старые схемы отношений, которые уже не работали.

При этом Бурдье отмечает, что габитус в любом случае оказывается тем базисом, от которого отталкивается всякая социальная практика. Он инертен, но не абсолютно статичен, он способен к трансформации и эволюции: «Поскольку *habitus* – это бесконечная способность для производства мыслей, восприятий, выражений и действий, пределы которой заданы историческими и социальными условиями его производства, то и обусловленная и условная свобода, которую он представляет, также далека от создания непредсказуемого нового, как и от простого механического воспроизводства первоначальных условий»*.

Получается, что особенности тех или иных социальных практик индивидов находятся в прямой зависимости от их совокупных возможностей, точнее от их представлений об этих возможностях. Человек соизмеряет свои желания и стремления с реальными шансами их осуществить. Он это делает зачастую автоматически, не всегда даже рефлексировав по этому поводу. Бурдье отмечает, что такая предрасположенность всегда зависит от условий ее приобретения и реализации (в какой семье родился, к какой социальной страте она принадлежит, какое получил образование и т.д.) и она настраивает индивида на определенный жизненный сценарий. Опираясь на концепцию габитуса, можно критиковать либеральную идею о равенстве

* Там же. – С. 20.

«потенциальных возможностей», которая по большому счету остается декларативной.

Понятие капитала в концепции П. Бурдьё. Виды капитала

Предрасположенность социальных агентов к определенным действиям напрямую зависит от тех ресурсов, которыми они обладают. Бурдьё эти ресурсы обозначает понятием *капитал*. Капитал – это «структура господства», располагая которой, можно добиваться каких-либо целей и, соответственно, чем разнообразнее эти ресурсы и чем объемнее, тем шире возможности обладателя.

Виды капиталов:

- экономический;
- культурный;
- социальный;
- символический.

Экономический капитал представляет собой финансовые активы, имущество, различные виды материальных благ.

Культурный капитал – это в первую очередь образование (и рейтинг самого учебного заведения тоже), востребованность компетенций, которыми владеет агент, его культурный уровень в принципе.

Социальный капитал связан с принадлежностью индивида к конкретной социальной группе или даже какому-то конкретному комьюнити. Здесь очень важны в том числе и те социальные связи, в которые человек встроен как член данной группы. Иногда непосредственное знакомство может дать больше возможностей, чем деньги или образование.

Символический капитал – все, что связано с публичным образом человека – его известность и репутация в обществе. Если во второй половине XX века, когда П. Бурдьё писал свои основные работы, главным инструментом для достижения широкой узнаваемости было телевидение, то на

данный момент эта ниша занята интернет-ресурсами (видеохостинги, социальные сети и т.п.).

Капиталы могут конвертироваться один в другой, за исключением культурного. Например, обладание символическим капиталом может способствовать успешному заработку и ускоренному повышению собственного материального благополучия, что в свою очередь конвертируется и в высокий социальный статус. Культурный же уровень и образование достигаются индивидуальными усилиями и не гарантированы даже при наличии других видов капиталов. Хотя сам культурный капитал может быть конвертирован в тот же символический. В пример можно привести талантливых ученых, которые занимаясь популяризацией своей науки, читают публичные лекции, попадают в информационное пространство и приобретают ту самую узнаваемость.

П. Бурдьё также указывает, что этот процесс конвертации проходит по определенному «обменному цензу», зависящему от конкретных социокультурных и экономических условий. Если снова обратиться к образованию, то востребованность на рынке труда в каждый конкретный момент тех или иных специальностей непосредственно влияет на уровень престижа определенного образования (все мы наблюдали как с приходом рыночной экономики случился бум востребованности экономических профессий, а затем с наступлением эры компьютеризации и IT-специалистов).

Очевидно, что любой капитал способен превращаться в инструмент влияния и давать индивиду, им обладающему, власть над теми, кто оказался более стеснен в ресурсах. Сами способы поведения индивидов будут отличаться в зависимости от объема имеющегося капитала – в одной и той же ситуации, связанной, например, с правовыми вопросами, человек с юридическим образованием будет действовать более эффективно, нежели тот, кто ничего не понимает в этой сфере.

Концепция поля

Среду, в которой осуществляются социальные отношения, П. Бурдьё называет *полем*. Это, с одной стороны, логически мыслимая структура, но с другой, реальные социальные, политические, экономические и др. институты. Структуралистский подход здесь проявляется в том, что важны не сами институты, а объективно существующие связи между различными позициями, соотношения интересов, конкуренция между агентами за более выгодные позиции внутри поля.

Из различных полей – политического, экономического, религиозного, информационного и т.д. – складывается сложное и многослойное социальное пространство. Важно подчеркнуть, что поле это также и специфические практики социальных агентов. Например, мы попадаем в религиозное поле тогда, когда оказываемся участниками какого-нибудь религиозного обряда и осуществляем соответствующую коммуникацию с другими агентами внутри этого поля. Бурдьё не просто так вводит понятие агента, вместо классического структуралистского субъекта. Так он старается подчеркнуть, что поведение человека не сводится целиком к воспроизводству заданной модели, но имеет и собственный источник активности. Для нормального функционирования поля необходимо не просто формальное отношение агентов к полю, но и определенная предрасположенность действовать в соответствии с его правилами и нормами. Речь идет о габитусе, который как раз включает знание этих правил и желание ими руководствоваться. Поле предзадано человеку, но он может не только воспроизводить, но и преобразовывать его. Возвращаясь к примеру с религиозным полем, можно вспомнить Мартина Лютера – человека, который изначально был монахом августинцем, рьяным католиком, получившим сан священника и степень доктора богословия, но в какой-то момент он начал трансформацию структуры поля (Реформацию), чем в конечном итоге спровоцировал его радикальные

преобразования. Появился фактически новый участок поля христианства – протестантский, который также начал воспроизводиться практиками своих агентов – последователей М. Лютера.

Концепция поля дает возможность синтезировать два способа порождения социальных практик – сознательный и спонтанный. Она демонстрирует, что рациональный компонент, идущий от нормативной системы поля и сконцентрированный в габитусе индивида, способствует постановке целей, подбору средств и так далее, но есть и момент спонтанности, творчества. Поле предстает как набор различных социальных практик – конкурентной борьбы, сотрудничества, компромисса и т.д. Немалую роль при этом играют индивидуальные характеристики агентов, так как они действуют благодаря имеющемуся у них капиталу (экономическому, социальному, символическому и культурному), позволяющему пользоваться теми правами и возможностями, которые дает им поле (опять же, образование Лютера, его эрудиция, талант проповедника вкупе с покровительством нескольких влиятельных правителей Германии принесли ему известность и репутацию духовного лидера нового религиозного движения за обновление церкви, т.е. культурный капитал и социальный конвертировались в символический).

Таким образом, можно констатировать, что если исследователь располагает знанием о габитусе агента, природе и объемах его капиталов, а также в курсе в каком конкретно социальном поле он находится, то он с большой вероятностью может спрогнозировать характерные для него социальные практики: (габитус x капитал) + поле = практики.

Теория структуризации Э. Гидденса

Энтони Гидденс (1938 г.р.) – один из наиболее известных и влиятельных современных социологов. Сфера научных интересов – теория и мето-

дология социологии, структурный анализ общества, проблемы глобализации и современности.

Основные труды: «Капитализм и современная социальная теория», «Центральные проблемы социальной теории», «Устройство общества», «Последствия модернити» и др.

Во второй половине XX века в академической среде социальных наук начались дебаты по поводу односторонности разных социологических моделей и интерпретаций общественных процессов. Макросоциологические подходы, вроде парсонского, подвергались критике за гипертрофирование роли целого, при котором отдельные индивиды лишались статуса автономных субъектов, а все социальные процессы интерпретировались как производные от устройства системы. С другой стороны, теории герменевтического характера (символический интеракционизм или феноменологический подход), наоборот, слишком много внимания акцентировали на субъективном начале, не давая методологических инструментов для анализа целого социального контекста. Так появилась актуальная задача создания синтетической теории, снимающей две эти крайности. Теория структуризации Э. Гидденса и стала движением в этом направлении.

Социальные практики

Согласно Э. Гидденсу, действия индивидов и социальные структуры вещи тесно взаимосвязанные. Структуры конструируются действиями людей и благодаря их повторяемости, постоянно воспроизводятся, существуя относительно долго. Гидденс считает, что ключевым понятием, с помощью которого мы можем объяснить взаимопротекание структур и активности индивидов, является понятие социальной практики.

«Социальные практики, упорядоченные в пространстве и времени» и должны быть предметом исследования социологической теории. Социальные практики не статичны, они меняются от места к месту, и от одного ис-

торического периода к другому. Однако они достаточно устойчивы, чтобы их можно было проследить на относительно продолжительном временном этапе. Практики воспроизводятся социальными агентами, потому они имеют момент преемственности. Благодаря социализации индивиды усваивают действующие в обществе нормы и правила, соотносят с ними свое поведение, тем самым давая возможность исследователю типизировать и анализировать социальную реальность.

Понятие структуры

Э. Гидденс дает оригинальную трактовку термину структура – порядок, с помощью которого возможно реконструировать воспроизводство социальных практик во времени и пространстве. В качестве разъяснения автор приводит пример соотношения языка и речи. Язык – это определенные правила общения, существующие независимо от человека. Однако реализация языка возможно постольку, поскольку им пользуются. Люди говорят и пишут, соотнося существующим правилам языкового употребления, тем самым сохраняя язык. Одновременно, разговорный живой язык постепенно преобразуется, в нем возникают новые слова, какие-то устаревают и забываются, но все это происходит в конкретных речевых практиках. Так и с социальными практиками – они представляют собой единый процесс воспроизводства и постепенной трансформации структур.

В качестве примера можно привести систему образования в университете. Это, с одной стороны, устойчивая структура, регламентированная множеством норм и правил и выполняющая ряд институциональных функций. Но мы прекрасно понимаем, что работает она только в силу того, что каждый день какие-то люди приходят и, стоя за кафедрами, рассказывают что-то другим людям, которые также выполняя свою часть обязанностей, слушают и конспектируют (или делают вид). Т.е. налицо воспроизводство конкретных социальных практик, где смена агентов практически ни на что

не влияет: обновляется каждый год студенческий состав, медленно, но также постепенно меняется преподавательский корпус, а университет остается тем, чем он был десятилетия назад. Хотя мы не можем не замечать, что есть и изменения: распространение смартфонов и разного рода гаджетов, мгновенный доступ в интернет, всеобщая компьютеризации, внедрение дистанционных форм обучения меняют специфику наших образовательных практик. А это лишь один аспект в большом объеме социокультурных изменений. Однако даже это позволяет нам увидеть, что по сути университет функционирует через людей, которые воспроизводя специфические образовательные практики, конструируют в каждый момент своего рабочего времени его как относительно устойчивую структуру. Но в силу внесения в эти практики каких-то новых элементов и способов коммуникации, постепенно ее трансформируют.

Гидденс здесь указывает как раз на этот момент. По его мысли, структуру можно назвать образцом социальных отношений в конкретное время и в определенном пространстве, задающем модели поведения индивидов. Любой социальный институт в широком смысле слова (от семьи до целого государства) может быть абстрактно разложен на эти составляющие: с одной стороны, это реальный развертывающийся во времени процесс, регулируемый набор соответствующих норм, но, с другой, это и образец или модель поведения – то, что можно типизировать.

Гидденс предлагает различать структуры двух видов: *правила и ресурсы*.

Правила – это взаимосвязанные последовательности действий, которые составляют каркас социальных практик. Их невозможно свести к строгому нормативному набору, скорее, они функционируют в качестве обобщенной процедуры, регулирующей конкретное поведение агента в одном из

заданных социальных контекстов (семье, политике, бизнесе и т.д.). Правилами структурируется повседневная социальная жизнь.

Ресурсы также являются продуктом человеческих действий. Гидденс разделяет их на локализованные формы (деньги, средства производства, товары и т.п.) и властные ресурсы. Специфика последних в том, что тут перед нами «нематериальные отношения», когда одни люди способны принуждать других к исполнению своей воли, т.е. фактически ресурсами тут становятся подчиненные люди. Хотя Гидденс особо отмечает, что власть является таковой лишь в качестве реальной связи между индивидами, она появляется внутри интеракций агентов. Власть не то, чем обладают просто так, а то, что применяют.

Дуальность структуры

Здесь мы подходим к ключевому пункту теории структуриации Э. Гидденса – структура дуальна. Она проявляется в двух ипостасях: 1) в виде постоянно воспроизводящихся в конкретном времени и пространстве правил и ресурсов; 2) в виде особого рода знаний, содержащихся в сознании агентов, касающихся своих и чужих социальных возможностей, т.е. в виде тех самых интериоризированных схем социальных практик. В результате, такой взгляд на структуру позволяет рассматривать ее одновременно и как внутренний, и как внешний фактор. Структура не только детерминирует поведение агентов, но и создает предпосылки для его реализации, тем самым оставляя некоторое пространство свободы, где у человека есть возможность развития.

По мнению социолога, структура влияет на человеческое поведение благодаря знанию об обществе, которым располагают индивиды. В обществе есть большое количество «общего знания» о том, как вести себя и как поступать с вещами, что позволяет агентам ориентироваться в повседневной жизни и оперировать с окружающими предметами. В своем поведении

агенты используют знания правил общества, которые существуют в его структуре. Они также пользуются материальными и властными ресурсами, являющимися частями структуры общества.

Знания, которыми располагают индивиды, постоянно включаются в производство и воспроизводство социальных структур. Согласно теории структуризации, момент производства действия индивида является также моментом воспроизводства определенной социальной практики. При этом индивиды воспроизводят и условия, которые делают такие действия возможными. Но в конечном счете результат получается несколько иным, чем это представляется людям – он включает в себя и преднамеренное, и непреднамеренное: «Дуальность структуры всегда является главным основанием преемственности социального воспроизводства во времени и пространстве. Это, в свою очередь, предполагает рефлексивный мониторинг агентов в ходе повседневной социальной деятельности. Однако сознательность всегда ограничена. Поток действий непрерывно производит последствия, которые являются ненамеренными, и эти непредвиденные последствия могут также формировать новые условия действия посредством обратной связи. История творится преднамеренной деятельностью, но не является преднамеренным проектом. Она постоянно ускользает от попыток повести ее по какому-то задуманному направлению»*.

Таким образом, представление о дуальности структуры разрешить спор между детерминистами, которые верят, что человеческое поведение всецело зависит от внешних сил, и волонтаристами, считающими, что люди, обладая свободной волей, действуют только в соответствии со своими желаниями. Гидденс полагает, что ни первые, ни вторые в принципе не правы, но в каждой позиции есть элементы истины. Он считает, что необходима объединительная парадигма, а не полюсные подходы.

* Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас // Под ред. А. В. Леденовой, И. В. Давыдова. – Новосибирск : Из-во Новосибирского гос. ун-та, 1995. – С. 62.

Агент

Э. Гидденс предложил стратификационную модель действующей личности, что подразумевает рассмотрение рефлексивного мониторинга, рационализации и мотивации действия как устойчивой системы процессов. По его мнению, повседневные действия индивида включают в себя рефлексивный мониторинг, рационализацию действия и его мотивацию.

Под рефлексивным мониторингом деятельности социолог понимает сознательное отслеживание агентами не только своей деятельности, но и ожидание, что и другие агенты поступают аналогичным образом. Кроме того, отслеживаются и социальные контексты, в которых происходит деятельность.

Под рационализацией действия подразумевается компетентность в поведении – агенты в состоянии объяснить, что они делают, и понимать то, что делают другие. Вместе с тем она позволяет на уровне сознания индивидов представить процесс взаимодействия как в определенной степени непредсказуемый процесс, зависящий также от неопределенных, изменчивых условий его протекания. В итоге рефлексивный мониторинг вместе с рационализацией позволяют агенту, контролируя свою деятельность, соизмерять свои желания с возможностями в контексте взаимодействия с другими людьми.

Социолог отделяет рефлексивный мониторинг и рационализацию действия от его мотивации – желаний, которые к нему побуждают. По его мнению, мотивы напрямую не связаны с рефлексивным мониторингом и рационализацией, а, скорее, относятся к потенциалу действия, по большей части порождая общие планы или проекты. Большинство повседневных действий напрямую немотивированно. В то же время бессознательная мотивация – значительная черта поведения человека.

Подобная трехкомпонентная модель действующей личности, как полагает Гидденс, позволяет представлять социальные практики более гибко. Они в большей или меньшей степени имеют ненамеренные и непредвиденные последствия теми индивидами, кто был в них вовлечен: Непредвиденные последствия регулярно «распределяются» как побочный продукт повторяющегося поведения, рефлексивно поддерживаемого его исполнителями. По Гидденсу, его концепция агента позволяет преодолеть жесткий детерминизм парсоновской теории действия, которая является «мнимо волюнтаристской». В ней мотивация индивида всецело обусловлена его субъективностью, при этом игнорируется фактор рефлексивного отслеживания в поведении индивида.

Социальный порядок

Представления о дуальности структуры и стратификационной модели личности агента позволяют иначе взглянуть на факторы, обеспечивающие и поддерживающие социальный порядок. В отличие от Парсонса, полагавшего, что порядок поддерживается усвоенными в ходе социализации ценностями, которые выступают как мотивационные ориентации личности, Гидденс считает, что устоявшиеся, типичные образцы социального поведения детерминированы самим социальным воспроизводством, его рутинной. Рутинная – социальные практики, основанные на бездумном характере повседневного взаимодействия.

По Гидденсу, рутинизация социальных практик становится условием социальной стабильности. Она обеспечивает адекватное взаимное восприятие поступков индивидов и не требует при этом приведения рациональных аргументов.

Гидденс считает, что рутина является важным фактором непрерывности социального воспроизводства. Если рутинные социальные практики к

тому же освящены традицией, то они ещё сильнее связывают прошлое и настоящее, обеспечивая преемственность в социальном воспроизводстве.

В условиях современности толчком к дерутинизации могут быть последствия природных катаклизмов или шок, вызванный контактом с элементами иной культуры. При этом не происходит мгновенная элиминация традиционных социальных практик. Начинается процесс их замещения новыми практиками, что в итоге приводит к новой рутине и обновленному социальному порядку.

Учебное издание

Журавлева Имбия Александровна
СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ XX ВЕКА
Учебно-методическое пособие